

АЛЕКСАНДР РАСТОРГУЕВ

ЗАМКНУТЫЙ КОНТУР

18+
18+

Александр Расторгуев

Замкнутый контур

«Автор»

2026

Расторгуев А. В.

Замкнутый контур / А. В. Расторгуев — «Автор», 2026

Реальность не ломается сама по себе — мы ломаем её своими поступками. Но что делать, если контур замкнулся и выхода больше нет? «Замкнутый контур» — три пугающие истории на грани психологического триллера, сюрреализма и экзистенциального ужаса: «Перегон». Марина совершила непоправимое: не нажала кнопку помощи умирающему в метро. Теперь её путь домой превращается в бесконечную подземную петлю, где законы физики стираются, а сама она становится частью безликого архива. «Объект 11-А». Ночной аудит заброшенного ТЦ оборачивается для инспектора Леонида кошмаром. Пространство ломается, а его тело превращается в пластиковый манекен. Единственный шанс выжить — признать грех, который он прятал. «Деанон». Нетсталкер Антон находит видео с жуткой куклой. Вскоре его цифровая личность оказывается угнана, а враг знает о нем то, что сам Антон предпочел бы забыть. Сборник для тех, кто ценит атмосферу безысходности и бюрократического кошмара.

© Расторгуев А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Замкнутый контур	5
Повесть 1. Перегон	5
Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Расторгуев

Замкнутый контур

Замкнутый контур

Повесть 1. Перегон

Пролог

Инвентарный номер тридцать два дробь четырнадцать. Архив закрытого пула.

Марина Лаврентьева с трудом потянула замасленный, тугой рычаг повидавшего многое копировального аппарата. Массивный прижимной вал опустился с глухим, резиновым хрипом, намертво придавив пожелтевшую от времени страницу формата А3 к треснувшему матовому стеклу. Под крышкой, надсадно и прерывисто гудя, поползла тусклая лампа считывающего элемента. Вспышка сизого, фосфорического света на секунду выхватила из полумрака её бледное лицо, тонкую переносицу и растрёпанные светлые кудри, а затем экран громоздкого монитора моргнул, выдав изъеденную цифровым шумом копию старого транспортного манифеста за 1994 год.

Марина перевернула страницу, уложила следующий лист, покрытый фиолетовыми чернильными штампами давно обанкротившихся уральских депо, и аккуратно завязала оборванный край архивной папки сухой, колючей бечёвкой, резавшей кожу подушечек пальцев, оставляя мелкие белесые борозды. Пыль. Многолетняя бумажная пыль бархатистым слоем лежала на стеллажах, висела в неподвижном воздухе подвала и въедалась в поры кожи. Из-за неё во рту постоянно держался сухой, вязущий привкус мела, а кончики пальцев стали шершавыми, потерявшими былую чувствительность.

Каждое архивное дело требовало строгого соблюдения канцелярского ритуала: выровнять края листов по ограничительной линейке, проверить целостность инвентарного штампа на полях, зафиксировать буквенный код региона в локальной базе и трижды обернуть суровую нить вокруг картонного ушка скоросшивателя. Марина выполняла эти действия с механической, сомнамбулической точностью, не задумываясь о смысле забиваемых цифр. Однообразные движения рук заменяли ей мысли.

Каждая папка, поступавшая в её сектор из закрытого пула «Петро-Транса», имела свою строго зафиксированную казенную историю гниения: документы ликвидированных депо, акты списания подвижного состава и накладные на безымянные грузы, застрявшие на путях во время дефолта девяносто четвертого года. Бумага в этих делах была разной: от плотного советского картона до хрупкой, почти прозрачной папиросной кальки, крошившейся под пальцами, оставляя на кафеле серые разводы, похожие на пепел. Отдельные листы были изъедены сыростью и покрыты бурыми пятнами машинного масла; другие намертво сгнили по краям, скрепившись ржавыми, въевшимися в целлюлозу канцелярскими скобами. Согласно внутренней ведомственной инструкции, утвержденной министерством путей сообщения еще в прошлом веке, Марина должна была аккуратно удалять эти скобы специальным костяным ножом, направлять замятые углы, промазывать места разрывов декстриновым клеем и только после этого отправлять лист под прижимной вал копира. Этот процесс требовал абсолютной, хирургической сосредоточенности, полностью вытеснявшей из её головы любые сторонние образы.

Она глубже зарылась подбородком в жесткий воротник чёрного оверсайз-пальто, в которое куталась прямо за столом. В подвальном хранилище логистической компании «Петро-Транс» на Обводном канале отопление не справлялось с питерской сыростью. Единственное узкое окно под самым потолком выходило в непроходной, колодезный приямок на уровне асфальта. Сквозь разошедшиеся щели в деревянной раме внутрь непрерывно сочился монотонный, глухой рев проезжающих по набережной грузовиков, пахло мокрым гранитом, мазутом, болотной водой и застоявшейся хмарью. Мегаполис снаружи жил своей огромной, агрессивной жизнью, но сюда, на глубину двух метров под землю, долетал лишь его застывший, отфильтрованный бетонными стенами шум.

Работала Марина медленно, экономя каждое движение. За фиксированный, копеечный оклад младшего специалиста она получала лишь одно — право оставаться в этой казённой, отупляющей рутине, ставшей её единственным убежищем. Живых людей в бумажных папках не было. Только мёртвые подписи, номера вагонов и штампы утилизации. Здесь от неё не требовалось принимать решения, не нужно было вовлекаться в чужие эмоции и отвечать на вопросы. Она была функцией, встроенной в машину, как шестерня без собственного вращения.

— Лаврентьева, ты опять реестр Сортировки за прошлый месяц не закрыла? — железная дверь архива распахнулась с тяжёлым металлическим ударом, от которого зазвенели плафоны под потолком.

На пороге стоял начальник отдела документооборота — сухой, жилистый мужчина за чуть больше пятидесяти лет с резкими манерами отставного военного. Его помятый пиджак насквозь пропах дешёвым табаком и сыростью, а уставший, цепкий взгляд мгновенно въелся в темноту кабинета, выхватывая Марину из полумрака. Он сделал три шага по выбитому, холодному кафелю, остановился у её стола и с силой швырнул на пластиковую поверхность увесистую папку-скоросшиватель с облупившимися картонными углами.

Марина оцепенела. В груди словно повернулся стальной штырь. Горло свело судорогой, слова застряли где-то под рёбрами. Ладони в рукавах пальто покрылись липким, ледяным потом. Ошибка в реестре была совершена не ей — эти ведомости вчера забивала Светка из соседнего кабинета, пока Марина весь день вручную разгружала ящики в дальнем, неотапливаемом хранилище угля. Но необходимость поднять голову, посмотреть в лицо этому раздражённому, жёсткому человеку, заговорить с ним и начать что-то доказывать пугала её сильнее любого выговора или лишения премии.

В эти секунды время для Марины всегда теряло свою привычную физическую плотность, растягиваясь и превращаясь в липкую, сомнамбулическую жижу. Взгляд её намертво прилипал к одной-единственной точке на столе — к трещине на пластиковом покрытии или к грязному подтёку чернил на обложке папки, — пока весь остальной кабинет медленно уплывал в бледный туман. Она отчетливо, до мельчайших нюансов слышала, как над головой, за слоем железобетонных плит потолка, приглушённо шуршат шины проезжающих машин, как мерно зудит древний трансформатор в углу подвала и как капли воды из неисправного крана с железным, хирургическим звоном бьют о дно фаянсовой раковины. Этот звон казался ей огромным, заполняющим всё её сознание звуковым коконом.

— Исправлю, — тихо, почти не разжимая губ, выдохнула она, уткнувшись взглядом в истёртые, пожелтевшие клавиши клавиатуры и ещё глубже пряча пальцы в шерстяную ткань.

Начальник минуту смотрел на её сутулые лопатки, опущенную голову и растрёпанный затылок. На его лице отразилось брезгливое раздражение — для него девушка была бесформенной, неживой функцией, дефектным винтиком, не имевшим характера даже на то, чтобы защитить себя. Её покорность не вызвала жалости, она лишь злила, подчёркивая полную человеческую несостоятельность Марины.

— Чтобы к концу смены вся Сортировка была вбита заново, Лаврентьева, — казённо, по слогам буркнул он. — Лично проверю перед закрытием здания.

Он развернулся на каблуках и вышел, хлопнув массивной дверью так, что со старых стеллажей на пол посыпался серый налет бумажной трухи.

Марина сидела неподвижно еще пять минут. В висках тупо, монотонно пульсировала кровь — редкие удары, отзывавшиеся ноющей болью в затылке. Её тело мелко дрожало. Личные границы были нарушены. Живой мир снова пробил её защиту, заставляя реагировать, чувствовать и дышать.

В углу кабинета, за баррикадой из коробок с надписью «Ликвидация», зашевелились коллеги — две полные, измотанные женщины средних лет, до этого сидевшие тише мышей, боясь попасть под горячую руку начальства. Теперь они одновременно откинулись на спинки стульев, и одна из них, лениво вздохнув и зашуршав пакетом, протянула с характерным, певучим питерским акцентом:

— Маринк, ну чего ты молчишь-то вечно, господи? Зачем на себя чужие косяки вешаешь? Совсем как неживая, право слово. Пошли лучше в столовую на углу, там сегодня как раз нормальная курица с гречей, по карточкам со скидкой выйдет, хоть согреешься немного.

Марина медленно, с трудом преодолевая сопротивление затекших шейных позвонков, повернула к ним бледное, лишенное эмоций лицо. Очки в тонкой металлической оправе на её переносице тускло мазнули зелёным отсветом монитора. Ей привиделось, что лица коллег плывут в полумраке, теряя четкие контуры и их черты расплывались, как плохо напечатанные фото.

— Нет, спасибо, — тихо сказала она, и её голос прозвучал чуждо в пустом подвале. — Мне нужно дела перевязать.

Женщины в углу недовольно, разочарованно вздохнули. Одна из них демонстративно громко прихлебнула остывающий чай, а вторая тихо зашуршала ящиком стола, всем своим видом выражая привычное отчуждение. Неловкое, липкое молчание зависло в воздухе подвала. Марина физически ощутила, как это безмолвие начинает давить на неё, требуя продолжения разговора, новых объяснений или хотя бы одного взгляда. Ей стало душно от присутствия этих людей в комнате.

Она потянулась к краю стола, схватила лежащие возле монитора огромные, беспроводные наушники с активным шумоподавлением и плотно прижала их к ушам. Щелчок тумблера на правой чашке. Внутри амбушюр раздался короткий, глубокий вдох цифрового вакуума, и весь живой мир за пределами её стола мгновенно схлопнулся, словно его вырезали ножницами из реальности. Марина снова потянулась к папке — теперь под защитой тишины. Она открыла облупившийся картон и опустила рычаг копира. Тусклая лампа поползла под стеклом, выбивая свой монотонный, механический ритм. Она была одна. По крайней мере, до конца этой смены.

Глава 1

Зелёная лампа копировального аппарата угасла с сухим, металлическим щелчком, оставив после себя едкий запах нагретого озона и жжёного тонера. Марина подождала, пока системный блок под столом издаст финальный, затихающий вздох кулера, и медленно, стараясь не делать резких движений, стянула с ушей тяжёлые амбушюры наушников.

Живой мир вернулся мгновенно, наотмашь, ударив по барабанным перепонкам непрекращающимся капаньем неисправного крана в углу архива и ленивым, шуршащим звуком пакета с овсяным печеньем, которое дожевывали коллеги у окна. Марина поднялась со стула. Тело после четырнадцати часов неподвижной работы казалось чужим, деревянным механизмом — колени сухо хрустнули в тишине подвала, а мышцы спины ныли тупой, застарелой болью. Она поправила воротник пальто, до упора натянула на лоб глубокий капюшон худи,

пряча под ним соломенные кудри, и побрела к выходу. Взгляд на стойку вызвал лишь отторжение. Избитые штампы, фальшивые офисные улыбки и необходимость смотреть в чужие лица пугали сильнее, чем перспектива остаться безликой конторской единицей, поэтому любые прощания были отброшены.

Железная дверь архива «Петро-Транса» захлопнулась за её спиной с протяжным, эхоподобным стуком. Марина преодолела крутую, выщербленную бетонную лестницу цоколя и вышла из парадной на улицу.

Воздух Обводного канала встретил её удушливой хмарью. В Санкт-Петербурге наступали грязные, угольные сумерки. Небо над промышленным районом горело тревожным, гнилостно-зеленым и багровым отсветом заката в стиле Эдварда Мунка, но этот свет не рассеивал темноту, а лишь делал её липкой. Свинцовая, маслянистая вода канала едва двигалась между гранитными берегами, покрытыми слоем черной дорожной копоти. Окна проезжающих мимо старых дребезжащих трамваев виделись Марине вытянутыми, кричащими масками — мегаполис давил на неё своим циклопическим объемом, превращая в невидимый элемент городской логистики.

Девушка шла по набережной в сторону вестибюля метро, низко опустив голову и глядя исключительно под ноги — на трещины в обледенелом асфальте и грязную кашу, которую под ногами месили сотни прохожих. Люди вокруг двигались сплошным, безликим потоком. Из-за четырех суток вынужденного, изнурительного бодрствования мир утратил четкость. Стоило дома закрыть глаза в пустой студии, как внутри черепной коробки начинал нарастать вязкий, пугающий шум, мешая провалиться в забытие. Чудилось, что прохожие лишены индивидуальных черт: их одежды были одинакового асфальтового цвета, а лица стирались, превращаясь в плоские блеклые пятна.

Она вжалась в стену, пропуская поток людей, даже не поднимая глаз. Любой случайный встречный, пристально посмотревший на неё из-под козырька кепки или воротника куртки, мог разглядеть её внутреннюю дрожь, вытащить наружу её нерешительность и заставить вступить в бессмысленный, пугающий контакт. Чтобы защитить своё хрупкое ментальное пространство от грязного шума чужих жизней, она судорожно нащупала в кармане пальто проездную карточку БСК — холодный угловатый кусок пластика, её единственный легальный пропуск сквозь транспортные шлюзы. Руки мелко тряслись. Она поднесла пальцы к оголовью наушников, щёлкнула тумблером активного шумоподавления. Короткий, глубокий вдох искусственной тишины внутри чашек — и рев автомобильных моторов, крики чаек над Обводным каналом и шарканье тысяч чужих подошв мгновенно растворились в вакууме.

Она двигалась вдоль бесконечного, сплошного забора из красного дореволюционного кирпича, где высились заброшенные, закопченные корпуса старой ткацкой мануфактуры. Окна фабричных зданий были заколочены листами ржавого железа, а из вентиляционных амбразур цокольных этажей тянуло могильным холодом и намокшей плесенью. Марина прибавила шаг, чувствуя, как подметки её туфель скользят по маслянистой ледяной корке. Она смотрела на свои ноги, на ритмичное движение ступней, и это помогало удерживать равновесие — и физическое, и душевное.

Пеший маршрут по набережной до павильона метро требовал от неё ровно девятьсот сорок шагов — Марина давно высчитала эту короткую дистанцию и теперь методично, про себя, отсчитывала каждую цифру, превращая ходьбу в сухой математический алгоритм, спасающий разум от нарастающей паники. Пятьдесят два, пятьдесят три, пятьдесят четыре. Слева тянулась нескончаемая ржавая решетка моста, где на путях товарной станции Сортировочной неподвижно замерли невзрачные геометрические коробки грузовых вагонов. Стыки их металлических кузовов покрылись налетом копоти, и на секунду Марине померещилось, что эти вагоны — такие же мёртвые, бездушные контейнеры, как и архивные дела, которые она весь день перебирала в подвале. Город дышал ей в затылок, как живое существо, переваривающее

толпы. Она чувствовала себя запертой внутри огромного, неповоротливого механизма со стирающимися шестеренками.

Даже сквозь включенные наушники, чьё предназначение обеспечивать ей абсолютную изоляцию, она начала улавливать странный, чужеродный физический дискомфорт. Это был не свист, а сухой, навязчивый шорох, напоминающий звук рвущейся или быстро перелистываемой бумаги старых архивных описей. Он доносился из-под гранитных плит набережной, вибрируя в подошвах обуви и поднимаясь вверх по суставам ног, словно город медленно перелистывал страницы её собственного прошлого.

Навстречу ей, колыхаясь в грязно-зеленом мареве сумерек, двигалась сплошная стена человеческих тел. Марина вжалась плечом в кирпичную кладку фабричного забора, стараясь занимать как можно меньше места. До входа в наземный вестибюль станции оставалось не более двухсот метров, когда на перекрестке трамвайные пути резко повернули, пересекая асфальт. Марина остановилась у ржавого знака пешеходного перехода. Пятая линия метрополитена, куда она направлялась, должна была довести её с пересадкой до дальней окраины в Девяткино, но путь под землю требовал преодоления этого открытого уличного пространства.

Поток машин на секунду иссяк, и Марина, почти теряя равновесие от усталости, бросилась через дорогу. Обледенелые трамвайные рельсы тускло блеснули под её ногами, напоминая две длинные, сорванные со стены стальные линейки — точно такие же, какими её коллеги в архиве измеряли толщину папок закрытого пула. Металл уходил в грязный асфальт, покрытый налетом копоти и ржавчины. Она перешагнула через эту колею, подошвы туфель противно чавкнули в жиже мёртвого снега, и Марина наконец очутилась у массивных гранитных ступеней наземного павильона метро.

Грузные, обитые по краям потертой резиной двери-вертушки входной группы поддались с тугим, пружинящим сопротивлением. Марина навалилась на створку всем телом, и её мгновенно обдало мощным, горячим потоком воздуха тепловой завесы, пахнущего креозотом, влажным бетоном, жженой кабельной изоляцией и озоном. Этот специфический, подземный запах Петербурга глубоко въелся в её пальто за месяцы поездок, но сегодня он казался ей особенно грузным, застойным, будто сама земля выдыхала этот воздух из своих глубин.

Она очутилась в просторном, облицованном серым мрамором кассовом зале. Пространство здесь было заполнено гулким, эхоподобным рокотом: сотни людей одновременно шаркали обувью по гранитному полу, шуршали мокрыми зонтами и хлопали дверцами автоматов по продаже жетонов. Марина шла к линии турникетов, низко опустив голову под капюшоном, стараясь не встречаться взглядом ни с кем из толпы. Её сердце стучало в ушах редкими ударами, но она заставила себя двигаться вперёд, не останавливаясь.

Она приблизилась к крайнему турникету, вытянула руку и прижала холодный пластик карточки БСК к желтому кругу считывающего элемента. На маленьком цифровом табло над валидатором на долю секунды вспыхнула зеленая надпись: «Проход разрешен. Остаток: 14 поездок». Створки турникета с протяжным, резиновым хлопком разъехались в стороны. Прямо за ними, в стеклянной будке дежурной по станции, сидела пожилая женщина в форменной ведомственной жилетке. Её сухое, бледное лицо за мутным, засиженным мухами стеклом привиделось Марине абсолютно неподвижным. Дежурная не повернула головы, но её остеклевший, уставший взгляд был направлен точно на Марину, видимо фиксируя её инвентарный номер в этой подземной системе. Девушка на миг задержала дыхание и быстро прошла мимо.

Она вышла к верхней кромке эскалаторного наклона. Бесконечная, уходящая глубоко под землю шахта предстала перед девушкой гигантской бетонной кишкой, засасывающей поток из людей. Своды наклона были украшены круглыми светильниками, уходившими ровными рядами вниз, создавая строгую, пугающую геометрию. Марина шагнула на подвижное резиновое полотно ступени эскалатора и ухватила рукой за ледяной, засаленный поручень.

Наклонное полотно медленно поползло вниз, увлекая её под землю. Вокруг воцарился монотонный, убаюкивающий гул приводных цепей и шестеренок подъемного механизма, вибрировавшего в металле ступеней. Мимо неё, на встречном потоке эскалатора, плыли вверх сотни людей, возвращающихся из центра. Их лица, выхваченные блеклым отблеском светильников, двигались непрерывной, покадровой чередой. Из-за отсутствия сна Марине виделось, что эти лица лишены объема — они проплывали мимо как плоские, вырезанные из архивного картона маски, на которых застыло выражение глубокой, экзистенциальной усталости. Никто не смотрел на неё, но она всё равно сильнее вжала голову в плечи пальто, чувствуя, как подземный холод начинает просачиваться сквозь подошвы туфель.

Низ наклонного хода приближался медленно, сантиметр за сантиметром. Марина дождалась, пока подвижная ступень эскалатора с металлическим хрипом ухнет вниз, складываясь в плоскую стальную гребенку, и сделала шаг вперед. Ноги мгновенно ощутили твердость и неподвижность холодного гранитного пола. Она оказалась в подземном распределительном зале станции «Обводный канал».

Архитектура платформы давила своей мрачной, индустриальной сдержанностью. Вытянутый подземный зал был облицован темным гранитом и засаленным мрамором, а массивные пилоны, поддерживающие свод, представляли рядами казенных сейфов или архивных шкафов, внутри чего были замурованы миллионы чужих, стертых из памяти документов. Под потолком тускло горели круглые светильники, но их свет не рассеивал полумрак, а лишь мазал по стенам тусклыми желтыми пятнами. Марина пошла вдоль путей, считая шаги на кафеле, чтобы удерживать контроль над нарастающим приступом паники. Вокруг было немногочисленно. Несколько человек стояли у края платформы, застыв в одинаковых, покорных позах ожидания, и их силуэты в капюшонах и темных куртках были похожими на скульптуры из папье-маше, забытые на платформе.

Из черного зева тоннеля тянуло ледяным, застойным сквозняком, содержащий в себе запах сырого бетона, мазута и горелого железа. Марина остановилась у металлической колонны, стараясь не приближаться к краю платформы. Глаза жгло от сухости, но она упрямо смотрела на светящееся интервальное табло над путями. Красные цифровые палочки лихорадочно отсчитывали секунды, прошедшие с момента ухода предыдущего состава. 1:42... 1:43... 1:44. Сухой шорох в её наушниках, доносившийся сквозь плотные амбушюры, становился всё более отчетливым, заглушая однообразный ритм эмбиента в плейлисте. Ей чудилось, что этот звук идёт прямо из вентиляционных решеток путевой стены, будто там, в черной бездне тоннеля, кто-то невидимый методично перелистывал старые, истёртые накладные Сортировочной станции.

Гудение в рельсах нарастало. Сначала это был едва уловимый, низкий гул, вибрировавший в подошвах её туфель, но через несколько секунд он превратился в плотный, оглушительный рев. Из темноты вынырнули круглые желтые глаза поезда, заливая платформу слепящим, неживым светом. Состав — старый, покрытый слоем тормозной пыли питерский поезд — затормозил с протяжным, режущим уши визгом колодок. Двери вагонов распахнулись со свистом.

Марина шагнула внутрь. Салон встретил её бледным, полумертвым светом люминесцентных ламп, мерно жужжавших под потолком. Внутри было почти пусто. На длинных диванах неподвижно сидело всего несколько пассажиров, уткнувшихся в экраны своих телефонов. Марина заняла место в самом углу, у торцевой двери вагона, и поглубже вжала голову в воротник пальто.

Двери захлопнулись, перерубая звуки платформы, и поезд с грохотом рванул вперед, проваливаясь в черную пасть перегона. Состав летел под землей, прошивая тело города насквозь. За окнами несло сплошное черное ничто, лишь изредка прерываясь редкими дежурными лампами тоннеля, вспыхивавшими и тут же гаснувшими через равные промежутки времени.

Вспышка — темнота. Вспышка — темнота. Поезд проносился мимо промежуточных станций. «Звенигородская»... «Садовая»... Состав даже не сбавлял ход, колеса были на стрелках, а Марина сидела зажмурившись, чувствуя, как удушливое, замкнутое пространство железного вагона, скованное со всех сторон нескончаемыми слоями питерского пливуна и намокшего гранита, медленно вытягивает из нее воздух.

На пересадочном узле в центре города состав наконец замер. Марина вышла на платформу «Садовой», чтобы совершить долгий, мучительный переход на Московско-Петроградскую синюю линию, которая должна была довезти её до пересадки на красную ветку. Пешеходный тоннель встретил её удушливой, плотной толпой. Тысячи людей двигались навстречу друг другу в узком, замкнутом пространстве под каменистыми сводами, облицованными дешёвым белым кафелем. Пахло сыростью, грязной обувью и мокрой шерстью осенних пальто. Марина шла вдоль стены, едва не касаясь кафельной плитки плечом, чувствуя себя песчинкой в этом гигантском человеческом муравейнике.

Сквозь плотный прижим наушников до её сознания прорывался приглушённый, эхоподобный рокот толпы, смешанный с непрекращающимся шорохом в её собственной голове. Ей казалось, что этот кафельный коридор никогда не кончится, превращаясь в бесконечную анфиладу ведомственных подвалов. Наконец, преодолев последний марш лестницы, она прибыла на платформу нужной станции. На часах над путями было 19:24. Марина дождалась прибытия следующего поезда, зашла в вагон и села на синее пластиковое сиденье. Этот состав должен был вывезти её из исторического центра на самую северную окраину мегаполиса — туда, где её ждала пустая, стерильная съемная студия. Поезд дернулся, переваливаясь на стрелках путевого разветвления, и со свистом набрал ход, унося её вглубь черного, бесконечного перегона. Тьма за стеклом вагона стала сплошной, окончательно отрезая Марину от улиц, каналов и дневного света.

Вагон мелко, ритмично содрогнулся, и под этот металлический убаюкивающий такт шорох архивных листов в её ушах сделался ровным, почти неотличимым от шуршания колес по рельсам. Марина прикрыла веки, позволяя подземному сквозняку вытягивать из полупустого салона остатки её дневной усталости и увозить её всё дальше на север, вглубь глухого транспортного контура — в самую суть изнурительного, непрерывного перегона.

Глава 2

Слепой мрак перегона лопнул внезапно. Плотная пустота за толстым стеклом вагона качнулась, пошла рваными серыми полосами и рассыпалась, когда состав с утробным, металлическим скрежетом вылетел из подземного бетонного мешка на открытую эстакаду. Марина непроизвольно зажмурилась — блеклый, мертвенный свет питерских сумерек ударил по воспалённым векам сквозь линзы очков, заставив сильнее втянуть голову в воротник пальто.

Поезд замедлял ход, переваливаясь на обледенелых путевых разветвлениях наземной станции «Девяткино». Это была конечная точка маршрута, тупиковый узел, где Кировско-Выборгская линия выходила на поверхность, упираясь в административную границу Ленинградской области. Марина открыла глаза и посмотрела в окно. За стеклом, подёрнутым морозным узором, медленно проплывала бетонная платформа, зажата в железные тиски глухого дебаркадера. Здесь не было монументального гранита или тяжёлых пилонов центральных станций — только безликий профнастил, ржавая арматура и мертвый свет люминесцентных трубок, жужжащих на одной частоте с её внутренним гулом.

Состав замер. Пневматические приводы дверей сработали с тягучим резиновым хрипом, и наружу, на обледенелую платформу, хлынул плотный человеческий поток. Марина поднялась с синего сиденья, чувствуя, как онемевшие за время долгой поездки мышцы ног отзываются тупой, тянущей болью. Она двигалась в самом конце толпы, стараясь держаться на без-

опасном расстоянии от чужих спин и зимних курток, пахнувших сыростью и дешёвым табачным дымом. Капюшон худи был натянут до самого носа, а ладони глубоко зарыты в карманы оверсайз-пальто, где пальцы судорожно сжимали тонкий холодный квадрат карточки БСК, словно этот кусок пластика мог удержать её сознание от полного растворения в массе.

Толпа покорно влекла её вниз, по широкой бетонной лестнице к турникетам на выход. Наземный кассовый зал «Девяткино» напоминал гигантский распределительный пункт крупного транспортного узла: здесь пахло сыростью от мокрых перронов, подгоревшим тестом из придорожных точек и дешевой хлоркой, которой уборщицы пытались смыть талый уличный налет с гранита. Марина прижала проездной к валидатору, створки захлопнулись за её спиной со звуком падающего гильотинного ножа, и она вышла через стеклянные двери-вертушки на привокзальную площадь.

Марина остановилась у самого края бетонного козырька вестибюля, парализованная грандиозной геометрией открывшегося пространства. Вокруг, насколько хватало глаз, в грязно-зелёный, болезненный отсвет неба уходили бесконечные, ровные ряды жилых башен-человекобоек. Этот спальный район на северной окраине города не имел истории, он казался огромным, наспех собранным из каменных плит пулом, куда город упаковывал людей в бетонные ячейки, как бракованные детали на конвейер. Одинаковые высотки стояли так плотно, что между ними не оставалось воздуха; их глухие фасады были истыканы тысячами мелких, одинаковых окон, где тускло горели жёлтые и белые огни.

Плотный, маслянистый смог от котельных и выхлопных газов сотен машин висел между домами неподвижным куполом. Ветер с залива крутил на площади цементную пыль, смешанную с обрывками рекламных листовок и мелкой ледяной крошкой. Марина судорожно вздохнула, но воздух для неё был горьким, пахнувшим паленой резиной. Она сделала несколько шагов по заваленному грязным снегом асфальту, считая не шаги, а удары пульса, пытаясь унять дрожь. Один, два, три, четыре... До её парадной оставалось ровно шестьсот пятьдесят метров сквозь этот гудящий человеческий рой.

Толпа на площади перед метро жила по законам хаотичного, агрессивного рынка. Тысячи людей пересекали пространство в разных направлениях, шлёпая обувью по лужам, протискиваясь между сплошными рядами торговых точек, продающих дешёвый трикотаж и шаверму. Все эти чужие жизни, голоса и запахи давили на её хрупкое ментальное убежище. Марина плотнее прижала амбушюры к ушам, проверив, на полную ли мощность выкручен режим шумоподавления. Искусственная тишина послушно отсекала внешний мир, превращая крики зазывал и гул моторов в невнятное, далёкое бульканье, но взамен её собственный внутренний шорох становился лишь отчётливее, пульсируя в костях черепа при каждом шаге. Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят...

Вдруг прямо перед ней, колыхаясь в грязно-зелёном мареве сумерек, возник силуэт.

Марина не успела свернуть. Из плотного потока людей ей навстречу шагнул нескладный, неестественно резкий в своих движениях парень-промоутер. На нём была грязная куртка ядовито-жёлтого цвета. Парень судорожно с отяжкой выбросил вперёд худую бледную руку, зажимавшую узкий длинный листок бумаги — рекламный флаер какой-то точки по ремонту электроники у метро. Его лицо было неподвижным, как у человека, забывшего, зачем он вышел из дома.

— Девушка, возьмите, ну! Акция сегодня, — его голос, деформированный и приглушённый амбушюрами, прозвучал внутри её головы как металлический щелчок.

Марина окоченела. Горло снова свело судорогой, как тогда в архиве. Эта вытянутая рука с белым листком представилась ей непреодолимой преградой, мгновенно разрушающей внутреннее равновесие. Бумага в его пальцах шуршала — и этот звук был один в один похож на тот, что преследовал её последние недели в подвале.

Парень сделал ещё один шаг, его тусклые глаза уставились прямо под её капюшон. К горлу подкатил холодный ком: ей почудилось, что этот человек требует невозможного — нарушить её добровольное онемение, вырвать из защитного вакуума и заставить сделать выбор. Время вокруг будто потеряло ход, замедляясь до полной неподвижности. Она видела, как медленно падает ледяная крошка на жёлтую ткань его куртки, как капает вода с козырька метро.

Вместо того чтобы просто обойти его или взять бумажку, Марина судорожно дернулась в сторону. Туфля скользнула по обледенелому бордюру. Девушка отшатнулась, едва не упав, и побежала прочь, не оглядываясь. Сохраняя абсолютную тишину, тело метнулось в сторону, оставляя позади турникеты и маячившую жёлтую куртку. Площадь осталась сбоку, исхоженная по широкой дуге. Движение перешло в судорожный бег, вырывающийся хрипом из-под ткани худи, сбивающий привычный счёт и заставляющий то и дело врезаться в редких встречных. Нужно было только одно — скрыться, исчезнуть среди безликих стен Муринского муравейника, добежать до своей парадной и запереться внутри пустой восемнадцатиметровой студии, где никто не сможет дотянуться своей шуршащей, мёртвой бумагой.

Путь от площади вёл сквозь узкий технический проезд, зажатый между глухой стеной торгового павильона и бесконечной линией металлических антипарковочных столбиков. Марина двигалась вслепую, ориентируясь лишь по смутным очертаниям углов. Под ногами хрустел колотый лёд, перемешанный с окурками и обрывками пластиковой упаковочной ленты. Здесь, в тени высотных зданий, город терял всякую упорядоченность, распадаясь на сотни мелких, грязных бытовых деталей. Мимо неё проплывали одинаковые щиты трансформаторных подстанций, покрытые потеками ржавчины, запертые на увесистые навесные замки, и пластиковые контейнеры для строительного мусора.

Из вентиляционных вытяжек подвальных магазинов на неё пахло резким химическим запахом дешёвого китайского пластика и хлористого калия. Марина спотыкалась о выпирающие из-под снега края пластиковых кабельных коробов, змеившихся вдоль цоколей, как чёрные резиновые вены огромного, вкопанного в болото организма. Каждый проезд между домами выглядел точно так же, как предыдущий: те же ровные стрелы автоматических шлагбаумов с мигающими сигнальными лампами, те же одинаковые синие вывески круглосуточных аптек и точек выдачи интернет-заказов, в окнах, где тускло горели безжизненные светодиодные ленты. Названия улиц на пластиковых указателях стерлись от сырости, превратившись в белые прямоугольники. Марина чувствовала, как это типовое однообразие панельных коробок стирало все ориентиры, превращая пространство в лабиринт, заставляя петлять по кругу между безликими бетонными опорами.

Она очутилась внутри огромного двора, образованного четырьмя одинаковыми двадцатипятиэтажными панельными коробками. Окружающая геометрия была лишена индивидуальных черт: бескрайние ряды припаркованных бампер к бамперу автомобилей, одинаковые металлические ограждения детских площадок, покрытые ржавым ином, и слепые двери ведомственных подсобных помещений на цокольных этажах. Петербург вокруг застыл в своей монохромной асфальтовой неподвижности.

Марина шла вдоль фасада, едва не касаясь плечом шероховатой, покрытой мелкими трещинами облицовочной плитки. Счёт шагов был полностью потерян, её внутренний математический алгоритм безопасности сломался, и теперь разум фиксировал лишь физиологические маркеры нарастающего изнурения. Сердце билось неровно, с натужным прерывистым хрипом, словно внутри грудной клетки ворочался заклинивший поршень старого насоса. Дыхание со свистом вырывалось из горла, превращаясь на ледяном воздухе в сизые, быстро тающие облачка пара. Каждое окно-ячейка на верхних этажах, мимо которых она поднимала взгляд, выглядело объективом, бесстрастно фиксирующим её паническое бегство от человека в жёлтой куртке. Навязчивый бумажный шорох внутри наушников, на мгновение затихший во время

бега, вернулся с новой силой — ровный, непрерывный гул сотен перелистываемых страниц, вибрирующий в челюсти и отдающий тупой ломотой в затылке.

Наконец, на углу третьего корпуса она увидела массивную металлическую дверь своей парадной. На ней не было никаких декоративных элементов — только ровный пепельный лист стали, покрытый потеками ржавой грунтовой воды, и тускло светящаяся матрица цифрового домофона. Марина судорожно, теряя секунды, полезла в карман пальто — её пальцы в шерстяных перчатках онемели и не слушались. Она нащупала пластиковую таблетку магнитного ключа, вытащила и прижала к считывающему устройству. Домофон отозвался пронзительным казённым писком. Магнитный замок освободил створку с глухим резиновым вздохом, и Марина буквально ввалилась внутрь, всем телом навалившись на закрывающуюся металлическую дверь. Входная группа захлопнулась, полностью отсекая её от ветреного смога Муринской площади.

Она очутилась в просторном, хирургически стерильном лифтовом холле первого этажа. Пространство здесь было облицовано дешёвым глянцевым керамогранитом грязного цвета, на чьих поверхностях блекло отражались люминесцентные трубки потолочных светильников. Пахло строительной пылью, сырым известковым бетоном, дешёвой хлоркой и застоявшейся влагой из подвальных коммуникаций. Марина прислонилась спиной к кафельной стене, чувствуя, как холод камня просачивается сквозь ткань пальто к лопаткам. Её колотила мелкая лихорадочная дрожь. Здесь, в тишине закрытого подъезда, сквозь плотный прижим наушников до сознания доносился лишь низкочастотный гул кабельных шахт новостройки, где вибрировали силовые провода высокого напряжения.

Марина сделала три шага по скользкому керамограниту и нажала металлическую кнопку вызова лифта. Кнопка тускло загорелась ровным белым светом. Через несколько секунд из глубины бетонной шахты раздался нарастающий рокот — это приближалась кабина скоростного подъемника. Металлические створки разъехались в стороны с тихим пружинящим щелчком, открывая перед ней тесный, облицованный хромированными панелями куб.

Марина шагнула внутрь. Зеркальные стены лифта мгновенно размножили её силуэт, превратив одинокую бледную фигуру в выцветшем капюшоне в бесконечную, уходящую вглубь стекла вереницу одинаковых испуганных отражений. Она протянула руку к панели управления, где ровными вертикальными рядами были расположены десятки круглых кнопок, и вдавила цифру своего этажа. Двери закрылись с резиновым хлопком.

Кабина тронулась с металлическим вздохом где-то в вышине. По полу пробежала мелкая вибрация, тут же отозвавшаяся в коленях сухой ломотой. Лифт со свистом набирал ход, увлекая Марину на самую вершину этой циклопической постройки. Скорость подъёма была такой высокой, что мгновенно заложило уши. Тесная зеркальная кабина давила своим весом, внутри пахло дешёвым освежителем с ароматом лаванды и перегретым металлом приводных цепей.

Над дверным проёмом лихорадочно замигало узкое электронное табло, отсчитывая этажи тусклыми красными штрихами. 3... 7... 12... 16... 21... Цифры сменялись с сухим пульсирующим ритмом, и этот мерный бег огоньков оборачивался движением инвентарного индекса в архивной базе «Петро-Транса». Чтобы отвлечься от давящего зеркального отражения, где её собственное лицо казалось обескровленной неживой маской, она уставилась на металлическую плашку с правилами пользования подъемником, прикрученную к стене четырьмя грубыми болтами.

Сухой текст инструкции, отпечатанный мелким шрифтом, требовал соблюдения регламента при аварийной остановке: «...не поддаваться панике, вызвать диспетчера, ожидать прибытия ремонтной бригады». Эти рубленые ведомственные формулировки были единственной стабильной вещью в этом плывущем мире. Стальные тросы были за хромированной обшивкой, выбирая слабинку натяжения, и в этом звуке Марина снова уловила знакомый шорох — словно огромная невидимая рука на самом верхнем этаже перелистывала тома инвентарных описей,

подгоняя скорость подъёма под ритм её затянувшегося бодрствования. Стальные направляющие шахты приглушённо скрежетали, когда кабина преодолевала стыки перекрытий. На долю секунды этот шорох полностью прекратился, сменившись плотной звенящей пустотой.

Наконец кабина совершила плавный затяжной толчок и замерла. Электронное табло над дверью застыло на нужной цифре, мигнув два раза тусклым багровым светом. Металлические створки разъехались со знакомым резиновым хрипом, впуская внутрь куба сквозняк из коридора верхнего яруса новостройки. Марина сделала шаг вперёд, переступая через узкий стальной порожек лифтовой шахты.

Она очутилась в бесконечном, душном коридоре двадцать четвёртого этажа. Пространство здесь уходило в обе стороны ровной геометрической стрелой, облицованной дешёвым кафелем цвета мокрого цемента. Потолок был зашит скучными ячеистыми панелями, за которыми монотонно гудели магистральные кабели связи и трубы вентиляции. Вдоль стен, через равные промежутки, тянулись абсолютно одинаковые, обитые коричневым дерматином двери квартир-студий, лишённые индивидуальных признаков. Марина пошла по коридору, подошвы её туфель эхоподобно стучали по кафельным плитам в абсолютной тишине этажа. Шаг за шагом она приближалась к своей двери, чувствуя, как город медленно отпускает её тело, передавая в распоряжение мёртвых стен её собственной ячейки.

Она остановилась у тридцать седьмой двери, вытащила из глубокого кармана пальто связку ключей и зажала холодное железо в онемевших пальцах. Металл сухо, отчётливо звякнул в пустом коридоре, и этот звук мгновенно утонул в однообразном гуле вентиляционных шахт, уходящих куда-то в свинцовое питерское небо над крышей человеиника.

Марина нащупала в темноте замочную скважину, вставила длинный стальной ключ в прорезь и дважды провернула его, преодолевая жёсткое сопротивление внутренних ригелей. Дверь послушно отошла внутрь, приоткрывая перед ней абсолютно тёмный зев прихожей, откуда пахло накопленным за день теплом пустого нежилого помещения.

Этот нескончаемо долгий, изнурительный день наконец подошёл к концу, и этот выстраданный вечер означал для неё лишь одно: её хрупкий, возведённый с таким трудом барьер выстоял, толпа не сумела пробить её оборону, а значит — она снова была в безопасности, скрытая от живого и карающего мира в абсолютной пустоте своей девятнадцатиметровой бетонной коробки.

Глава 3

Дверь захлопнулась, и резкий, приглушённый стук английского замка окончательно изолировал Марину, запечатав её внутри девятнадцатиметрового бетонного куба. Она не стала искать выключатель в прихожей. В густом, душном полумраке сбросила туфли, оставив их прямо у порога, и осторожно побрела вперёд. Её пальцы в тонких шерстяных перчатках коснулись гладкой поверхности пластиковой клавиши на стене — сухой щелчок, и жилое пространство залил сглаженный, монотонный свет одинокой светодиодной лампы, свисающей с потолка на голом белом шнуре.

Марина застыла посреди комнаты, опустив руки в карманы пальто. Квартира-студия встретила её той самой подчёркнутой, безликой аккуратностью, ради которой девушка и выбрала это жильё на двадцать четвёртом этаже. Здесь отсутствовали следы чужого прошлого, не было ни одной лишней детали, способной спровоцировать работу памяти. Помещение напоминало выставочный макет из шведского мебельного каталога, собранный исключительно из типовых элементов: белые флизелиновые обои без рисунка, ровные ламели светлого ламината, имитирующего искусственно состаренный дуб, и прямоугольная коробка окна, прочно закрытая плотной серой рулонной шторой, не пропускающей ночную хмарь Мурино.

Вся обстановка студии укладывалась в рамки жёсткого ведомственного минимализма. Вдоль левой стены тянулся узкий кухонный блок с гладкими матовыми фасадами без ручек — ящички открывались от простого нажатия, издавая тупой пластиковый звук. Маленькая индукционная плита на две конфорки, раковина из прессованной крошки и пустая чистая столешница, не знавшая ни одной чашки. В углу, у самого окна, располагалась односпальная кровать, застеленная серым шерстяным пледом, а рядом — простой письменный стол и шаткий стул на металлических ножках. В этой квартире полностью отсутствовала привычная человеческая повседневность: на полках не было книг, на стенах — рисунков, на подоконнике — растений. Марина сознательно исключила из быта любой визуальный раздражитель. Это пространство было её личной капсулой онемения, где существование сводилось к невидимой застывшей точке, не производящей никакой информации.

Она не спеша расстегнула пуговицы пальто и сбросила его на стул. Стягивать наушники не стала — даже здесь, внутри запертой квартиры, подсознательный страх перед возвращением уличных шумов заставлял её держать систему активного шумоподавления в рабочем состоянии. Плотные амбушюры прижимали уши к черепу, отрезая сознание от неподвижного покоя комнаты. Марина легла на кровать прямо в худи, не снимая капюшона, и уставилась в идеально выбеленный потолок.

Через двадцать минут неподвижного лежания девушка поняла, что горизонтальное положение не приносит облегчения. Белизна потолка давила на глаза, превращаясь в массивную осязаемую плиту, готовую опуститься и раздавить её. Она резко села, спустила ноги на ламинат и подошла к письменному столу. На гладкой ламинированной поверхности ДСП лежали узкий пластиковый органайзер, две шариковые ручки с чёрными колпачками и чистый блокнот для рабочих заметок, выданный ещё при устройстве в «Петро-Транс».

Девушка протянула руку и принялась методично, с миллиметровой точностью выравнивать эти предметы по краю столешницы. Выставив блокнот строго параллельно углу стола, уложила ручки так, чтобы их пластиковые зажимы смотрели строго на север, в сторону окна. Каждое движение пальцев требовало предельной, почти болезненной сосредоточенности. Она пыталась перенести скучную и однообразную форму архивной разметки из подвала сюда, внутрь своей жилой ячейки, надеясь, что строгость линий защитит разум от хаоса. Но безликие канцелярские вещи сопротивлялись этому искусственному порядку. Чёрный матовый пластик органайзера ощущался чужеродным, неживым объектом, который не сохранял тепло её рук, а мгновенно остывал, едва она убирала пальцы. Блокнот с чистыми белыми листами выглядел как незаполненный инвентарный бланк, готовый зафиксировать её собственную пустоту. Марина отдернула руку, чувствуя, как мелкая дрожь снова возвращается в запястья. Вещи из каталога «Стандарт-Уюта» не возвращали ей контроля над реальностью, запирая девушку в пустой коробке, где ничто не напоминало о жизни.

Нервное истощение превращало тело в неповоротливую, непослушную массу. Суставы ныли от сырости, в затылке пульсировала тупая ломота. Девушка закрыла глаза, надеясь раствориться в тёмной пустоте без мыслей.

Но тишина не наступила. Сквозь плотный прижим амбушюр, преодолевая электронный фильтр системы шумоподавления, до восприятия начал просачиваться чужеродный давящий гул. Стены современной многоэтажки были слишком тонкими, не способными удержать звуки, чем был наполнен этот огромный бетонный улей. Сверху, из тридцать восьмой квартиры, донеслись грузные мерные шаги — кто-то в массивной обуви черепашьям шагом ходил по полу, и этот звук, проходя через железобетонные перекрытия, превращался в плотный эхоподобный стук инвентарного штампа. Слева, за кухонной стеной, с плоским металлическим звоном забила вода в водопроводном стояке — сосед открыл кран, и этот поток хлынул в её комнату однообразным непрерывным шумом. А справа, через перегородку, бубнил чей-то

телевизор — далёкий, неразборчивый поток новостей, в котором девушке то и дело чудился бумажный шорох.

Марина резко открыла глаза. Её колотило от мелкой лихорадочной дрожи. Чужие жизни пробивали изоляцию, они лезли сквозь стены, заполняя стерильную комнату своим присутствием. Каждое движение за перегородкой отзывалось внутри головы новой волной паники. Приходила мысль, что этот двадцатипятиэтажный дом медленно сжимается, превращаясь в гигантский измельчитель, перемалывающий сознание.

Она вытащила из кармана худи телефон и дрожащими пальцами выкрутила громкость трека в наушниках до упора. Электронный эмбиент взвился внутри чашек плотным звуковым куполом, полностью удаляя из реальности и шаги сверху, и рокот воды, и бубнёж телевизора. Девушка снова забилась в угол кровати, прижавшись спиной к обоям, и намертво зажала наушники ладонями, воздвигая ещё один неприступный барьер. Но прилипчивый шорох перелистываемых страниц внутри собственного ума от этого стал лишь громче, синхронизируясь с ритмичным стуком крови в висках: шаг — ещё один шаг, вдох — выдох, пустая комната — чёрная щель за дверью. Мегаполис нашёл способ дотянуться до неё даже сквозь стены «Стандарт-Уюта».

Марина опустила ноги на пол и постепенно, преодолевая тяжесть в суставах, поднялась с кровати. Чтобы унять дрожь в пальцах, требовалось совершить простое привычное бытовое действие — вернуть контроль над физическим миром через осязание вещей. Она шагнула к кухонному блоку. Белая матовая столешница тускло отражала свет одинокой лампы. Девушка нажала на дверцу верхнего шкафа, и фасад отозвался сухим пластиковым звуком, открывая содержимое полки. Там стоял один-единственный стакан из толстого прозрачного стекла, купленный в составе типового набора для съёмного жилья.

Она поднесла стакан к раковине и повернула металлический рычаг смесителя. Вода хлынула из крана с немим трубным рокотом, мгновенно отозвавшимся в зубах ноющей болью. Металлическая сеточка фильтра разбивала струю на миллионы мелких пузырьков, и в этой водяной пене Марине снова почудился навязчивый шорох — словно под давлением из труб вылетали обрывки старых накладных. Как только стакан наполнился до краёв, она закрыла воду и сделала плоток. Вода была ледяной, пахнувшей ржавым железом и хлоркой городского водопровода. Этот вкус обжёг горло, но не принёс облегчения; внутри тела по-прежнему росла и ширилась пустыня, порождённая днями вынужденного бодрствования.

Она поставила стакан на столешницу. В этот момент в углу кухни с тихим утробным щелчком реле включился маленький встроенный холодильник. Его компрессор завыл на низкой вибрирующей ноте, и эта механическая волна тут же вошла в резонанс с басовитым гулом внутри собственной головы. Марина замерла, вцепившись пальцами в край раковины. Ногти скребли по камню, оставляя едва заметные белесые полосы. Ей казалось, что бытовые приборы в этой комнате — плита, холодильник, светодиодная лампа — общаются между собой на тайном, недоступном языке, кодируя в своей вибрации сообщение, предназначавшееся именно ей.

Марина отпустила раковину, повернулась к противоположной стене и подошла к узкому платяному шкафу, встроенному в нишу у прихожей. Гладкая раздвижная створка из белого ламината отошла в сторону с шуршащим звуком, на секунду заставив её вздрогнуть. Внутри, подсвеченное тусклым светом лампы, висело немногочисленное имущество. Весь гардероб укладывался в рамки того же безликого каталога, определявшего повседневное существование. Пять одинаковых чёрных водолазок, два серых трикотажных худи со стёртыми бирками на воротниках и три пары тёмных прямых брюк, купленных на распродаже в типовом сетевом магазине у Сортировочной.

Она принялась неторопливо перебирать пластиковые вешалки-плечики, с костяным стуком бившиеся друг о друга в тесноте короба. Фактура ткани под пальцами была грубой, искусственной, лишённой тепла. Каждая вещь была деталью маскировки, элементом того самого

защитного кокона, позволявшего ей ежедневно сливаться с безликой массой в переходах пересадочных узлов. На самой последней, дальней вешалке висело старое, выцветшее форменное платье с эмблемой транспортного института — единственная вещь, напоминавшая о времени до её переезда в Мурино. Синяя плотная шерсть покрылась тонким слоем архивной пыли и пахла сыростью казённых аудиторий. Марина коснулась пальцами металлической пуговицы с выбитым на ней якорем и эмблемой путей сообщения, но металл обжёг кожу холодом, как бы отторгая прикосновение. Она резко, с силой задвинула пластиковую створку шкафа назад. Невыразительный фасад скрывал под собой остатки прежней идентичности. Пространство квартиры не принимало воспоминаний, оно требовало полной стерильности, превращая жизнь в пустой инвентарный бланк.

Она вернулась на кровать, не гася свет. Темнота прихожей пугала: в чёрном провале коридора измученному взгляду то и дело мерещились смутные колеблющиеся тени. Девушка легла на спину, подтянув колени к груди и сжавшись в непроницаемый шерстяной кокон под серым пледом. Кожа на лице стала иссохшей, натянутой, как пергамент архивных дел из обособленного фонда, а свет одинокой лампы резал сетчатку лазерным лучом даже сквозь опущенные, судорожно сжатые веки.

Она попыталась применить метод ментальной изоляции, которому её когда-то учили: мысленно выстроить перед собой бесконечную стену из цифр, начать считать инвентарные номера папок или шаги от парадной до метро. Цифры путались, распадаясь, она поймала себя на том, что считает вдохи. Тело отказывалось расслабляться. Мышцы шеи и лопаток одеревенели, превратившись в жёсткий каркас, удерживающий голову в состоянии постоянного напряжения. Внутренний мир стал непроницаемым бетонным бункером.

Ужас вещей нарастал незаметно — через мелкие изменения в интерьере. Марина повернула голову к окну. Плотная серая рулонная штора, закрывавшая стекло от внешнего смога Мурино, висела абсолютно неподвижно. Окно было заперто на увесистые пластиковые замки, в комнате не было ни малейшего сквозняка. Но откуда-то из-за этого серого полотна доносился тот же звук — ровный, структурированный, будто чьи-то худые пальцы неспешно перебирали архивные листы, проверяя инвентарные штампы.

Марина преодолела парализующий страх, сорвалась с кровати и в три шага пересекла комнату. Она схватила пластиковый шнур-цепочку и с силой дернула его вверх. Серое полотно со свистом взлетело, намотавшись на верхний вал, полностью обнажив двойное балконное остекление. За ним стояла сплошная угольная темнота муриной ночи, где тусклыми грязными точками плавали далёкие огни соседней высотки. Окно было заперто наглухо. Марина прижалась лбом к холодному стеклу, пытаясь рассмотреть источник. На узком пластиковом отливе снаружи не было ничего — ни застрявших обрывков газет, ни веток, которые могли бы тереться о металл на высоте двадцать четвёртого этажа. Воздух за стеклом был неподвижен и плотен от смога. Но шуршащий звук не прекратился. Он шёл из зазоров между пластиковыми рамами, просачивался сквозь резиновые уплотнители вентиляционных клапанов и вибрировал в подоконнике. Ритмичный, структурированный шум словно поднимался по вентиляционным шахтам из самых глубин фундамента, проходя сквозь все этажи. Город-миллионник дышал этой бумажной трухой, выталкивая её наверх, прямо в комнату.

Марина отшатнулась от окна. Шорох теперь заполнял всё пространство студии, отражаясь от гладких фасадов кухни и пустой столешницы. Тело физически реагировало на эту атаку: в ушах нарастало гнетущее давление, во рту снова появился тот самый вяжущий, меловой привкус архивной пыли, знакомый по подвалу на Обводном канале. Приходила мысль, что никакие закрытые двери и шторы сети мебельных магазинов больше не способны сдержать этот процесс. Её изолированный покой был окончательно разрушен.

Звук нарастал, пробиваясь сквозь плотные амбушюры, преодолевая электронный фильтр. Он вибрировал в воздухе студии с мерным пульсирующим ритмом, полностью под-

чиняя себе эмбиент в плейлисте. Девушка зажала уши ладонями до боли, вжимая чашки в череп, но шорох теперь шёл изнутри, из самой структуры слуховых рецепторов. Агломерация замкнула стены «Стандарт-Уюта», образовав из них клетку.

Для Марины этот обезличенный, навязчивый шум, заполнивший углы комнаты, означал окончательную утрату границ между внутренним и внешним — момент, когда её собственное присутствие здесь потеряло всякую автономию, она растворилась в перечне, где её имя значилось лишь как пункт без примечаний, распределенный городской системой по своим подземным ярусам.

Глава 4

Месяц назад Кировско-Выборгская линия функционировала в обычном, изнурительном режиме вечернего часа пик. Марина зашла в транспортный короб состава на станции «Лесная» ровно в девятнадцать часов двенадцать минут. Смена в архивном хранилище «Петро-Транса» выдалась затяжной, и теперь голова девушки была заполнена гулким онемением, мешавшим воспринимать очертания окружающих предметов.

Вагон поезда, летящего по направлению к «Выборгской», был заполнен людьми. Пассажиры стояли в проходах плотной массой, шурша воротниками зимней одежды и утыкаясь взглядами в светящиеся экраны смартфонов. Маршрут давно превратился в неизменный бытовой паттерн: едва переступив порог вагона, она автоматически занимала место в самом конце правого ряда, у перегородки, и привычным движением натягивала амбушюры, включая максимальный уровень звуковой изоляции. Электроника послушно гасила внешний грохот колёс, оставляя девушку наедине с приглушённым, ровным ритмом пульсации крови в височных долях. Это был её ежедневный ритуал отчуждения, позволявший превратить поездку в безопасное скольжение сквозь толпу.

Прямо напротив неё, на расстоянии вытянутой руки, на лавке расположился пожилой человек. Мужчина выглядел подчёркнуто буднично, по-домашнему уютно: из-под его потёртого шерстяного пиджака мышинного цвета виднелся воротник простой фланелевой рубашки, а на коленях лежали крупные ладони с натруженными, узловатыми пальцами. Рядом с ним, прислонённый к синему пластику сиденья, стоял мокрый зонт-трость, с наконечника которого на линолеум пола методично стекала талая вода. Лицо этого человека выражало ту степень покорной усталости, какая свойственна ветеранам промышленного труда после длинного дня на заводе. В его руках был зажат полупрозрачный аптечный пакет с лекарствами — в нём можно было разглядеть латинские названия препаратов.

Поезд набрал ход, прошивая темноту подземного коридора. Состав раскачивало на стыках рельсов, и под этот монотонный металлический такт Марина прикрыла глаза, балансируя на грани лёгкой дремоты.

Вдруг привычный ход поезда нарушился странным, прерывистым движением. Напротив неё произошло резкое смещение воздуха. Девушка открыла глаза.

Старику внезапно стало плохо. Мужчина неестественно выпрямился, его спина напряглась, а пальцы нервно вцепились в алюминиевый поручень. Его доброе, морщинистое лицо мгновенно потеряло краску, став землистым в блеклом свете потолочных люминесцентных ламп. Губы человека зашевелились, беззвучно хватая воздух, а изо рта вырвался плотный, свистящий звук. Марина смогла уловить его даже сквозь плотные фильтры своих наушников. Это был хрип задышающегося, теряющего опору организма.

Пакет с лекарствами с едва различимым шуршанием выскользнул из его ослабевших пальцев. Картонные коробочки со свистом разлетелись по полу вагона, а стеклянный флакон с микстурой вывалился из целлофана и с приглушённым стуком покатился по линолеуму, выписывая неровную дугу прямо к ногам девушки. Зонт-трость, потеряв опору, соскользнул с сиде-

нья и с резким, скрежещущим металлическим лязгом пополз в сторону, царапая изогнутой ручкой железное основание дивана. Мужчина хрипел, его грудная клетка надрывно поднималась, а взгляд — остекленевший, потерявший фокусировку, лишённый какого-либо выражения — застыл точно на ней, безмолвно фиксируя её присутствие в этой пустеющей реальности. На стене вагона, всего в полуметре от неё, тускнела безликая пластиковая коробка переговорного устройства связи с машинистом.

Но девушка не двинулась с места.

Вместо понятных физических действий её сознание погрузилось в состояние вязкой, аналитической отстранённости — когда разум начинает с избыточной точностью фиксировать второстепенные детали, полностью блокируя сигналы к действию. Капли воды неспешно тянулись по железной обшивке вагона, мерцала люминесцентная трубка наверху. Мышцы шеи и рук утратили чувствительность, став неотъемлемым элементом вагонного инвентаря.

В голове лавинообразно замелькали мелкие защитные соображения — разум тщетно пытался ими отгородиться от реальности. Пугал не сам факт чужого угасания, а неизбежное, хаотичное вторжение внешнего мира, ожидающее её при малейшем движении

— Если я протяну руку к кнопке, этот поезд затормозит прямо в тоннеле, — думала охваченная паникой девушка. — Привычный, безопасный порядок рухнет. Набегут люди в форме, дежурные, медики. Меня выдернут из спасительной тени, заставят говорить, отвечать на протокольные вопросы, вносить имя в официальные бланки. Мой маршрут будет разрушен. Вокруг стоят десятки других пассажиров, они ближе, они сильнее, кто-нибудь обязательно нажмёт эту панель.

Логика толпы, где каждый притворялся невидимым, стала для неё удобным оправданием.

Взгляд застыл на остальных пассажирах. Но попутчики в вагоне, подчиняясь тому же негласному регламенту агломерации, ничего не замечали. Женщина напротив продолжала бесстрастно смотреть в тёмное окно перегона, а нескладный парень в капюшоне ещё глубже зарылся лицом в светящийся экран своего телефона.

Старик издал финальный, протяжный хрип. Его рука сорвалась с поручня, и тело грузно завалилось боком на синее пластиковое сиденье, уткнувшись лицом в металлическую стенку вагона. Казалось, что эти открытые, застывшие глаза продолжают безмолвно фиксировать её присутствие в вагоне сквозь тусклый электрический свет уходящего в тоннель поезда.

В этот момент состав начал сбавлять скорость, приближаясь к перрону станции «Выборгская». Девушка, задыхаясь от накатившего приступа удушья, вскочила со своего места. На катающийся по полу флакон с лекарством не обращали внимания. Едва двери вагона со свистом разъехались в стороны, Марина поспешно, почти бегом выскочила на платформу, расталкивая плечами прибывающих пассажиров. Стремительно пересекая гранитный зал и взлетев по ступеням эскалатора, она вырвалась через двери-вертушки наружу, растворившись в сером питерском тумане. Движение вверх вернуло телу привычную механику бега, но уличный холод и сырость Выборгской стороны больше не приносили облегчения, граница между подземными тоннелями и городскими улицами окончательно стёрлась.

Марина свернула с широкого проспекта в узкий, глухой створ Тобольской улицы, стремясь как можно скорее уйти с открытого пространства, где её бледное лицо и взлохмаченные соломенные кудри были видны редким прохожим. Дорога здесь петляла между массивными корпусами старых ведомственных построек из серого камня. Высокие окна нижних этажей, закрытые коваными решётками, прятали неподвижную темноту пустых офисных кабинетов. Девушка остановилась у кирпичного выступа стены, горько опершись рукой о шершавую, покрытую ледяной глазурью кладку. Пальцы в перчатках мгновенно онемели от соприкосновения с камнем, но эта физическая боль была единственным маркером, удерживающим сознание в границах реальности.

На противоположной стороне проезда, между двумя цельными бетонными пилонами, чернела узкая железная калитка, запертая на несколько оборотов увесистой ржавой цепью. За металлическими прутьями угадывался пустой, заваленный обломками поддонов внутренний двор какого-то ликвидированного депо или ведомственного склада снабжения. Ветер трепал застрявший в звеньях цепи обрывок старого бланка — грязно-жёлтый листок упаковочной ведомости, покрытый размытыми от сырости чернильными штампами. Девушка непроизвольно сделала шаг вперёд, приковав взгляд к этому клочку бумаги. Ей показалось, что на истёртом поле листа отчетливо виднеются ровные ряды буквенных индексов. Они точно воспроизводили структуру тех накладных, что она весь день копировала в подвале на Обводном канале. Городская среда вокруг неё превращалась в гигантский раскрытый реестр, где каждый предмет, каждый запертый замок и обрывок мусора были учтены, пронумерованы и подшиты к её собственному невидимому делу. Она нервно отшатнулась от металлических прутьев, пряча лицо глубже в воротник пальто, будто это физическое бегство могло остановить нарастающий процесс её принудительного включения в чужую, безликую систему.

Агрессивный ритм города не знал пауз для дыхания. Сквозь фильтры наушников, по-прежнему пугающих своей тишиной, пробивался басовитый, низкий гул, похожий на работу далёкого машинного отделения фабрики или насосной станции. Окружающая архитектура Выборгской стороны с её бесконечными заборами, металлическими воротами складов и ржавыми трубами вентиляции казалась девушке продолжением той самой подземки, откуда она только что сбежала. Мегаполис не предлагал защиты; он лишь фиксировал перемещения через ровные стрелы дорожных знаков и тусклые огни редких автомобилей, проезжающих мимо по грязному асфальту. Капли талой воды с железных козырьков крыш падали на обледелый тротуар с тягучим, мерным стуком, напоминающим работу автоматического нумератора страниц, и этот звук заставлял девушку двигаться дальше, ускоряя шаг в тщетной попытке скрыться от собственного присутствия на этой улице.

Марина проворно бежала по обледелому тротуару Большого Сампсониевского проспекта, почти не разбирая дороги и низко опустив голову под капюшоном. Вокруг неё высились угрюмые, закопчённые фасады старых промышленных зданий Выборгской стороны, чьи высокие кирпичные трубы уходили прямо в низкое свинцовое небо. В ушах по-прежнему гудел электронный шум, но теперь эта искусственная изоляция казалась прозрачной, истончившейся ширмой — сквозь неё неумолимо прорывались отголоски недавней подземной катастрофы. Чудилось, будто тяжёлые шаги редких прохожих за её спиной принадлежат сотрудникам транспортной полиции, решившим организовать погоню прямо от вестибюля «Выборгской».

Чтобы вернуть себе хоть какое-то подобие хладнокровия, девушка свернула в узкий технический проезд между сплошными кирпичными брандмауэрами. Руки мелко дрожали, когда она вытащила из кармана пальто кошелек и принялась пересчитывать металлические монеты и старые чеки, просто чтобы занять пальцы механическим делом. Каждое мелкое движение требовало невероятных усилий, словно мышцы постепенно теряли способность подчиняться командам мозга. Окружающая серость старого Выборгского района казалась бесконечной, превращая пеший маршрут в бессмысленное блуждание среди одинаковых подворотен и ржавых пожарных лестниц.

После сорока минут блужданий и поисков маршрута пришлось снова спуститься под землю на более отдалённой станции метро, чтобы завершить путь к северной окраине города. Весь обратный путь в поезде до «Девяткино» она провела недвижимо, забившись в самый дальний угол площадки вагона и уставившись в чёрное отражение оконного стекла. Сознание постепенно стиралось, превращаясь в чистую инвентарную страницу, на которой больше нет места человеческим чувствам.

Ровно месяц назад, зайдя в съёмную квартиру на двадцать четвёртом этаже, стало ясно: само пространство этого убежища вдруг изменило свои свойства. Комната из каталога «Стан-

дарт-Уюта» больше не защищала её от внешнего мира. В совмещённом санузле включился смеситель. Девушка принялась методично, с ожесточением тереть ладони под струёй горячей воды, пытаясь физически смыть с кожи невидимый налёт чужого страха, отчего пальцы покраснели и покрылись мелкими белесыми бороздами от дешёвого щелочного мыла, но ощущение липкой грязи на запястьях не исчезало.

И именно в ту ночь, когда Марина впервые попыталась лечь на кровать и выключить одинокую светодиодную лампу под потолком, покой Муринской новостройки впервые выдал свой главный сбой. Стоило закрыть веки, как в тишине пустой студии начинал нарастать странный, навязчивый звук. Из вентиляционного отверстия над кухонной зоной донёсся отчётливый, ломкий шорох — словно огромная невидимая рука в полной темноте спокойно перебирала страницы старых архивных документов, подгоняя их ритм под её собственное прерывистое дыхание. Звук вибрировал в стенах, отражался от белых матовых фасадов мебели и заполнял всё пространство бетонной коробки.

Девушка судорожно распахнула глаза, наощупь схватила со стола беспроводные наушники и плотно прижала их к ушам, выкрутив громкость музыки до предела. Изолирующий электронный купол послушно отсекал внешнее шуршание стен, позволив истощённому разуму ненадолго обмануть самого себя. В те первые три недели после инцидента этот суррогатный способ защиты ещё работал: Ночная тишина искусственно глушилась, и девятнадцатиметровая студия превращалась в зону непрерывного технического шума. Монотонный бубнёж включённого на полную мощность телевизора, оставленные на ночь кухонная вытяжка и гудящий компрессор холодильника — все это ради того, чтобы спрятаться за этими безликими звуками от ломкого шёпота ведомственных архивов. Сон был рваный, нездоровый, лишённый отдыха, но он позволял организму функционировать в границах внутреннего регламента.

Но ровно четыре дня назад эта выстроенная с таким трудом система звуковой маскировки дала окончательный, необратимый сбой. Накопленная усталость пробила защитный барьер электроники. Сколько бы Марина ни прибавляла громкость музыки, какие бы агрессивные треки ни запускала внутри чашек, ломкий шорох перелистываемой бумаги больше не исчезал. Он потерял привязку к вентиляционным решёткам или стенам «Стандарт-Уюта», переместившись внутрь её собственного ума, обосновавшись прямо в структуре слуховых рецепторов. Звук стал частью пульса, мерным и неотвязным отсчётом секунд, перед чем любые физические двери, наушники и бетонные перекрытия новостройки оказывались бессильны. С этой секунды для девушки началось подлинное, непрерывное бодрствование — состояние абсолютного, оголённого присутствия в пустоте, где время потеряло свои привычные интервалы, превратившись во всепроникающий, нескончаемый гул, лишённый пауз и возможности вернуться назад.

Глава 5

Реальность вернулась вместе с резкой вспышкой боли за веками, когда Марина обнаружила себя сидящей на самом краю кровати. В ровном свете светодиодной лампы квартира казалась прежней, вот только неподвижная белизна стен теперь воспринималась как тяжёлый, осязаемый занавес, поглотивший всякое время. Беспрерывное бодрствование, длившееся уже пятые сутки подряд, стёрло чёткие границы между прошлым и настоящим. Комната потеряла объём, превратившись в плоскую, изъеденную глитчами поверхность, где очертания предметов путались и расплывались перед глазами.

Пытаясь преодолеть оцепенение, она подняла ладони к лицу и замерла, подчиняясь странному, пугающему осязательному сигналу. Кожа на стыках фаланг полностью утратила прежнюю эластичность. Легкое касание кончиками пальцев правой руки по левому предплечью вызвало чужеродный импульс в онемевших рецепторах. Эпидермис стал жёстким, волок-

нистым, и при малейшем трении от него исходил едва различимый шорох, напоминающий звук старой высохшей кальки. Попытка сжать кулаки обернулась неудачей: пальцы двигались неохотно, преодолевая жесткое сопротивление суставов. Высохшие связки будто стали плотными бумажными жгутами — такими же, какими в подвалах перевязывают архивные дела. Собственная плоть постепенно приобретала свойства материалов, среди которых девушка пыталась спрятать жизнь от чужих глаз.

Рука потянулась к письменному столу. Хотелось верить, что привычное действие — проверить баланс проездной карточки БСК через приложение на экране смартфона — вернёт мир в границы нормальной логистики. Требовалось увидеть на дисплее простые стабильные цифры, подтверждающие, что она по-прежнему остаётся обычной пассажиркой, встроенной в расписание.

Экран телефона вспыхнул сизым светом, но вместо знакомого интерфейса с зелёным валидатором система выдала резкий графический сбой. Строки разметки сместились, и на экране одна за другой поползли текстовые ведомости. Взгляд уперся в пиксельные знаки, а дыхание стало прерывистым и свистящим. Перед глазами бежала непрерывная лавина составов — те самые инвентарные описи Сортировочной станции за 1994 год, списки утилизированных вагонов из последних переплетенных трудов. Смартфон перестал подчиняться командам, а мерцающий синий экран, забитый чужими архивными кодами, вызвал приступ липкой, подкатывающей к горлу тошноты. Вызывающий страх аппарат полетел в сторону, продолжая светиться где-то под столом.

Марина наконец полностью спустила ноги на ламинат, чувствуя, как холодный ужас просачивается сквозь ткань худи к лопаткам. Спасаясь от подкатывающей тошноты, пришлось подняться, неуверенно пересечь прихожую и толкнуть пластиковую дверь совмещённого санузла. Маленькая ванная встретила привычным ароматом дешёвого моющего средства и сырости. Белый фаянс раковины и гладкие хромированные смесители тускло поблескивали под неярким светом встроенного потолочного софита. Шаг к зеркалу, закреплённому над раковиной на двух металлических зажимах, дался нелегко, но заставить себя посмотреть на собственное отражение всё же пришлось.

Из глубины стеклянной поверхности на неё смотрела чужая, истощённая фигура. Разломанные светлые кудри висели грязными прядями, кожа лица выглядела бледной, лишённой малейших живых красок, словно её покрыли тонким невидимым слоем известкового налёта. Глаза за стёклами очков в тонкой оправе казались огромными, с лопнувшими капиллярами на белках. В голове роились мысли о том, что черты постепенно теряют объём, размываясь по краям и превращаясь в плоский, безжизненный портрет с архивной карточки. Стоило отказаться от мучительного разглядывания, как перед глазами предстала узкая пластиковая полочка под зеркалом. Там стройным рядом стояли одинаковые флаконы с шампунем и жидким мылом, купленные на распродаже в сетевом супермаркете у Сортировочной.

Марина протянула руку, намереваясь открыть кран и плеснуть в лицо холодной воды, но шершавые пальцы наткнулись на цилиндрический корпус пластикового флакона. Вещь была лёгкой, пустоватой и совершенно не сохраняла тепла. Мягкий пластик поддался сжатию, однако онемевшие подушечки пальцев скользили по гладкой поверхности, лишая возможности уловить чёткий осязательный сигнал. Внутренний шорох в эту секунду изменил тональность, смешиваясь с тонким свистом вентилятора, жужжащего под потолком, что заставило её резко оттолкнуться от раковины. Оставлять всё в прежнем застывшем положении было больше невозможно. Стремясь вырваться из давящего замкнутого пространства, пришлось поспешно выйти из санузла в жилую зону.

В сознании всплыло смутное, пугающее подозрение. Разум тщетно пытался увязать цифровой сбой с дневным разговором в подвале архива. Пришла в голову мысль, что незакрытый реестр Сортировки, из-за которого кричал начальник, как-то связан с бумажной аномалией,

заполнившей комнату. Это не было твёрдой уверенностью — скорее, навязчивый бред измождённого ума, искавшего хоть какую-то логику. Если вся система вокруг поплыла из-за скрытой ошибки на ежедневном маршруте, значит, нужно было выйти наружу. Вернуться к исходной точке, проделать путь под землю заново, чтобы шорох в ушах наконец прекратился.

Внезапный рывок — и со стула летит широкое тёмное пальто, набрасываясь на плечи без единой попытки застегнуть пуговицы. Ткань была неподъёмной, как брезентовый чехол. Судорожно нащупав карточку БСК в кармане, девушка наощупь побрела в прихожую. Связка ключей с розовым брелком в виде сердечек звякнула с тонким, хирургическим звоном. Шаги стихли у выходной двери; пальцы потянулись к вертушке замка, пытаясь её повернуть, но потирая чувствительность соскальзывали с гладкого металла, ригель не поддавался. Грудную клетку сдавил плотный спазм панической атаки. Воздуха мгновенно перестало хватать. Задышавшись, пришлось навалиться на дверь всем весом и, помогая обеими руками, с силой провернуть внутренний фиксатор. Замок поддался с протяжным резиновым хлопком. Дверь распахнулась, и Марина выбежала наружу, оставив позади гладкий свет пустой студии.

Она очутилась в длинном общем коридоре двадцать четвёртого этажа. Ночная тишина новостройки давила монохромной пустотой. Вдоль стен, облицованных серой плиткой, тянулись штампованные двери квартир, лишённые каких-либо признаков жизни. Из ячеистых панелей потолка доносился непрерывный низкочастотный гул вентиляционных шахт, уходящих в небо. Гул гнал девушку вперёд, подгоняя неровный, шаркающий бег по кафельным плитам. Путь лежал напрямик к лифтовому холлу — подальше от давящей тесноты верхнего яруса.

Металлические створки лифта закрылись за её спиной со звенящим стальным стуком, и кабина со свистом сорвалась вниз, заставляя зажмуриться от резкого перепада давления. Когда двери на первом этаже с растянувшимся хрипом разъехались, оставалось только выбежать на улицу — напрямик в безмолвный, заваленный грязным снегом Муринский лабиринт.

Окружающее пространство спального района в предутренний час выглядело полностью вымершим, лишённым малейших признаков человеческой повседневности. Марина шла вдоль бесконечного цоколя своей высотки, кутаясь в полы распахнутого пальто. Наружный воздух, пропитанный застойной гарью от котельных и влажным торфяным смрадом болотной низины, обжигал сухие губы. Страх остаться без музыки заставлял судорожно вжимать наушники в уши, но сквозь их фильтры все равно пробивался смутный низкий шум земли. Глубоко в недрах Муринских пустырей ворочался колоссальный механизм, заставлявший содрогаться всю постиндустриальную инфраструктуру.

Путь к привокзальной площади лежал через узкий технический проезд, зажатый между двумя идентичными двадцатипятиэтажными панельными коробками. Геометрия этого места была пугающей в своём серийном однообразии. По обе стороны тянулись ряды припаркованных тесно друг к другу автомобилей, чьи стёкла покрылись слоем грязного налёта и ржавого инея. Эти машины напоминали закрытые архивные ящики, внутри которых заперты стёртые из памяти жизни владельцев. Окна нижних этажей, отведённые под коммерческую аренду, были тёмными; за пластиковыми витринами тускло мерцали неживые светодиодные ленты дежурного освещения закрытых аптек и пунктов выдачи. На пластиковых указателях названий улиц от сырости поплыли шрифты, превратив буквы в тёмные прямоугольники, в которых девушка тщетно пыталась отыскать хоть один знакомый маркер.

Нарастающее нервное истощение превращало ходьбу в сухой автоматический ритуал. Продвигаясь по обледенелому асфальту, приходилось механически отсчитывать каждый шаг, чтобы удержать остатки ускользающего сознания в границах физического мира. Двести сорок один, двести сорок два, двести сорок три... Ветер с залива крутил между высотками плотные воронки из мелкодисперсной строительной пыли, обрывков упаковочной плёнки и старых рекламных буклетов. Ломкий мусор летал над землёй с мерным пульсирующим ритмом,

и девушке чудилось, будто город медленно перелистывает страницы её собственного личного дела, утилизируя остатки прежней идентичности.

Она миновала автоматический шлагбаум, чья сигнальная лампа ритмично мигала тусклым багровым светом, и вышла к обмерзлой детской площадке. Металлические конструкции качелей и пластиковые горки в грязно-зелёном мареве ночи выглядели как каркасы непонятных приборов, чьё назначение давно утрачено. Пахло мокрым бетоном, ржавым железом и той особой застойной известковой сыростью, которую она ежедневно вдыхала в подвале на Обводном канале. Тело физически реагировало на окружающую пустоту: суставы ныли от холода, кончики пальцев в карманах окончательно потеряли чувствительность, а в ушах нарастало приглушённое давящее безмолвие, пробиваемое лишь внутренним бумажным шёпотом. Площадь перед метро приближалась медленно, сантиметр за сантиметром, словно сам Муринский мурaveйник растягивался, превращая ночной маршрут в бескрайнюю череду тёмных подворотен, из которых не было выхода.

На площади перед метро не было людей. Круглые наземные павильоны стояли закрытыми, их тёмные пластиковые витрины тускло отражали грязно-зелёный отсвет неба. Шаги к вестибюлю учащались, переходя в торопливую поступь, отчего подошвы туфель начали с визгливым скрежетом скользить по обледенелому асфальту. Шум внутри головы, заглушавший тишину ночи, становился всё громче при каждом приближении к массивным гранитным ступеням подземного павильона «Девяткино».

Тяжёлые двери-вертушки входной группы встретили полным мёртвым безмолвием. Наземный кассовый зал, который вечером бурлил от суеты тысяч человеческих тел, сейчас казался заброшенным ведомственным ангаром. Свет люминесцентных ламп под высокими потолками был приглушён, они горели вполсилы, распространяя блеклое фосфорическое сияние. Окна касс закрыты пластиковыми роллетами, за стёклами пустых дежурных будок не было ни одного силуэта. Пахло застоявшимся озоном, сырой штукатуркой и ледяным сквозняком, тянущим из раскрытых пастей тоннелей.

Марина медленно приближалась к линии турникетов. Шаги эхоподобно разносились под мраморными сводами, подчёркивая абсолютное одиночество в этом огромном транспортном шлюзе. Рука с зажатой карточкой БСК потянулась к жёлтому кругу валидатора. Устройство сработало без привычного звукового сигнала — маленькое электронное табло над турникетом просто моргнуло, выдав зелёную надпись: «Проход разрешён». Створки беззвучно, с мягким тянущимся вздохом разошлись. Шагнув за невидимую черту, она устремила к широкому пролёту лестницы, поднимающейся на наземную платформу эстакады.

Ступени привели на перрон, укрытый массивным куполом дебаркадера. Здесь, на высоте нескольких метров над Муринскими пустырями, ветер дул с особой пронзительной силой, проникая под воротник пальто. Железные пути, покрытые тонкой коркой наледи, тускло блестели в полумгле, уходя ровными параллельными стрелами в чёрную бездну тоннеля. Шаг замедлился у края платформы, пальцы глубоко ушли в карманы. Красные цифровые индикаторы интервальных часов над путями застыли, показывая странное, лишённое логики значение: «00:00».

Всеобъемлющая тишина ночной станции в миг разорвалась нарастающим грузным рокотом. Из темноты тоннеля вынырнули два круглых жёлтых глаза поезда, заливая платформу слепящим светом. Состав — старый питерский поезд, покрытый толстым слоем тормозной пыли — приближался к перрону без обычного визга тормозов. Марина вглядывалась в приближающееся лобовое стекло головного вагона, чувствуя, как внутри груди снова нарастает знакомый свистящий хрип паники. Сквозь толстое стекло кабины машиниста, залитое тусклым зелёным светом приборной панели, было отчётливо видно, что за пультом управления никого нет.

Поезд шёл сам по себе, подчиняясь какому-то скрытому автоматическому регламенту. Двери вагона со свистом разъехались перед девушкой, обнажая тускло освещённый пустой салон.

Для неё безмолвное приглашение внутрь железного короба означало лишь полную невозможность остановиться — момент, когда её собственный шаркающий бег по обледелым платформам окраины неизбежно должен был перетечь в глухую и размеренную динамику подземного расписания, готового утащить её остатки в темноту тоннелей. Но возвращение под землю казалось ей единственным способом вернуть миру его прежнюю, абсолютную неподвижность.

Глава 6

Тяжёлые двери захлопнулись, разом отсекая Марину от пустого, залитого фосфорическим неоновым сиянием перрона. Состав тронулся без предупреждения — по обшивке вагона прошёл резкий вибрирующий толчок, заставивший качнуться и судорожно ухватиться за холодный поручень. Поезд тяжело преодолел стрелочные переводы, издавая протяжный металлический скрежет, и стремительно ухнул вниз, погружаясь в наклонный зев тоннеля. Наземные кварталы Мурино с их бесконечными многоэтажными грядами остались позади, растворившись в ночной мгле, пока состав вновь не унес в подземную артерию, летящую к центру — туда, где, как представлялось, таилась разгадка наваждения.

Тоннель поглотил состав целиком, обрушив на крышу вагона глухую тяжесть своего безразмерного чрева. Выпрямить спину мешала тяжесть пальто — ткань по-прежнему прижимала к синему пластику сиденья, словно невидимый груз въелся в плечи за эти бесконечные сутки бодрствования. Салон пустого поезда представал безграничной, лишённой перспективы галереей, где ряды изогнутых металлических поручней уходили вперёд ровными, блестящими стрелами. Эти хромированные трубы, за которые днём держались тысячи человеческих рук, теперь выглядели как элементы огромного заброшенного испытательного стенда — их гладкая поверхность тускло отражала сизоватый свет люминесцентных ламп, создавая иллюзию движения там, где его не было. Сквозь оконные стёкла, измазанные снаружи разводами мазута и грязной грунтовой воды, блеклый свет выписывал причудливые ломанные узоры. В этих разводах чудились переплетения старых топографических планов или ведомственных схем путевого развития — точно таких же, какие когда-то приходилось корпеть на кальке во время институтских семинаров в душных аудиториях транспортного института. Некогда эти линии сулили ясную цель, простираясь далеко вперёд, но теперь стали лишь молчаливым свидетельством краха посреди рассыпающегося мироздания.

Из-под пола вагона, прямо под ногами Марины, доносился прерывистый, надсадный хрип компрессора пневматической системы. Он работал неровно, тяжело вздыхая металлом. Обшивка дивана слабо вибрировала, передавая дрожь в позвоночник. Зубы мелко стучали в такт механическому пульсу. Дрожь пробивала толстые подошвы, поднималась по суставам, сливаясь с тупой ломотой в коленях — привычным спутником, неотступным, как тень. Вжав голову в плечи, девушка старалась не смотреть вперед, на череду пустых кресел. В воображении вагон растягивался до бесконечности, двери в конце состава отдалялись, превращаясь в крошечные, одновременно притягательные и пугающие огоньки. Пространство железного короба теряло свои привычные, заземлённые в чертежах параметры, подстраиваясь под её нарастающее изнурение: стены то раздвигались, то сжимались, и каждый раз это движение оставалось незаметным глазу, но чётко фиксировалось обострившимся сознанием. Звуковое шумоподавление в наушниках послушно отсекало внешний грохот колёсных пар, но этот вакуум лишь обострял её слух, превращая прерывистый гул электрических сетей за стенами вагона в плотный, осязаемый контур удушья, который сжимал горло и мешал дышать ровно.

Заняв привычное место на пластиковом сиденье в дальнем углу у торцевого прохода, девушка попыталась расслабиться, как делала ежедневно, однако знакомая поза больше не приносила ожидаемого спокойствия. Салон поезда встретил её абсолютной, звенящей тишиной, подчёркивавшей механические звуки, доносившиеся из-под пола и из вентиляционных решёток. На длинных диванах не было ни одной живой души — ни одного пассажира, чьё присутствие могло бы вернуть иллюзию нормальности. Осветительные приборы под потолком натужно жужжали, распространяя вокруг холодный, рассеянный свет, где глянцевые панели стен выглядели плоскими и ненастоящими, как декорации из картона, которые вот-вот сложаются и исчезнут. Марина поправила капюшон худи, глубже пряча лицо в воротник своего широкого пальто, и на мгновение зажмурилась, надеясь, что, когда откроет глаза, всё исчезнет — и пустой поезд, и тоннель, и гул в ушах. Но ничего не происходило. Руки по-прежнему мелко дрожали, а ладонь, прикасаясь к поручню, больше не различала металл и пластик — всё было одинаково шершавым, мёртвым. При каждом движении ткань карманов неприятно цеплялась за пальцы, издавая тихий шелест, оглушительным эхом отдававшийся в сознании.

Поезд рассекал мрак с пугающей быстротой, недоступной в обычные часы пик. За окнами вагона тянулась сплошная стена непроницаемой мглы, изредка прорезаемая дежурными лампами перегона. Огни вспыхивали, мгновенно угасая через равные промежутки, будто невидимый метроном отбивал строгий ритм: вспышка — провал, вспышка — провал. Марина сидела зажмурившись, стараясь выровнять сбившееся дыхание, но каждый вдох давался с трудом, как если бы лёгкие сдавливала невидимая рука. Возникало ощущение: стальная капсула в кольце сырого гранита следует собственному внутреннему сценарию, активированному после бегства из муринского укрытия. Влажный и липкий звук, похожий на размокшую газету, растворился в нарастающем, гулком ритме колёс. Это затишье скрывало подвох — предчувствие неизбежного возвращения шума при первом же торможении поезда.

Перегон между «Девяткино» и «Гражданским проспектом» казался бесконечной, без временных ориентиров пустотой, где секунды растягивались в минуты, а минуты в часы. Пространство за окнами пульсировало редкими вспышками технических кабелей, проложенных вдоль путевых стен, и эти краткие проблески света выхватывали из мрака нескончаемые ряды бетонных колец, покрытых слоем чёрной копоти и маслянистого налёта. Пришлось заставить себя открыть глаза и уставиться на противоположную стенку вагона. Судорожные попытки зафиксировать взгляд на мелких, обыденных дефектах интерьера помогали сохранить ускользающий разум в границах реальности. Пристальное внимание привлекли царапины на засаленном пластике — тонкие, почти неразличимые борозды от ключей либо ногтей безымянных пассажиров; оборванная кромка казённой схемы линий, на месте которой оставался лишь старый, пожелтевший клей; и ровные шляпки болтов оконной рамы, тронутые легкой ржавчиной. Каждая деталь требовала невероятных усилий и внимания, складываясь в сложный процесс сборки разбитой вазы по крошечным осколкам. Пятые сутки бодрствования превратили её восприятие в хрупкую, истончившуюся плёнку: мир вокруг то терял фокус, расплываясь в мутном мареве, то внезапно становился пугающе чётким, с резкими контурами и гипертрофированными деталями, резавшими глаз.

Из вентиляционных дефлекторов под потолком продолжало тянуть тем самым ледяным, застойным сквозняком, пахнущим креозотом, сырым бетоном и чем-то металлическим, холодным — старыми рельсами после дождя. Подбородок глубже утонул в воротнике пальто, а сквозь подошвы туфель пробрался подземная стужа, заставив суставы заломить от глухой, тянущей боли, отзывающейся в пояснице и плечах. Звуки поезда — ритмичный стук колёсных пар, свист рассекаемого воздуха в межвагонных зазорах и прерывистое жужжание люминесцентных ламп — постепенно сливались в единый, монотонный гул, похожий на дыхание огромного механического зверя. Внутри этого гула Марине то и дело виделись посторонние, прерывистые звуки: шуршание архивной кальки, треск суровой нити и глухие, редкие удары,

словно кто-то невидимый в пустом хвосте состава методично закрывал тяжёлые картонные папки ликвидированных депо, ставя их на полку одна за другой. Состав проносился мимо промежуточных станций без намёка на торможение — платформы «Политехнической» и «Площади Мужества» мелькали блеклыми серыми полосами, залитыми тем же молочным светом, и на них не было ни души, ни одного дежурного, ни одного охранника. Данный факт подтверждал безумную догадку — она заперта в изолированном транспортном шлюзе, вычеркнувшем её из городского графика, сделав скрытой частью подземной инфраструктуры.

«Гражданский проспект», «Академическая» — названия проносились как смазанные, утратившие чётких очертаний декорации, которые девушка едва успевала прочитать на указателях, мелькающих за стеклом. Состав даже не думал сбавлять ход, колёса с глухим воем переваливались на стрелках, и каждый такой перевал отдавался в груди болезненным толчком. Платформы за окнами были безлюдными, залитыми тем же бледным электрическим отсветом, а их пустота давила, как и стены тоннеля, как и само время, переставшее быть линейным. Из вентиляционных щелей над дверью в салон проникал сквозняк, приносивший с собой стойкий запах креозота и палёной резиновой изоляции, смешанный с едва уловимым привкусом сырой земли и размокшего камня. Пальцы судорожно сжали проездной билет — тонкий кусок пластика с магнитной полосой, хранящий данные о балансе и маршруте. Этот холодный, безликий предмет ощущался последним вещественным якорем, удерживающим сознание от окончательного распада. Большой палец замер, скользя по гладкости материала, выискивая детали, не поддающиеся сдвигам реальности. Мгновение — и возникло отчетливое ощущение, что пластик теряет плотность, размягчается, начиная прямо на глазах разлагаться в руке.

Спустя долгие минуты — или часы, окончательно сбившие с толку, — скорость поезда наконец начала падать. За стеклом вагона медленно поплыли массивные, облицованные тёмным засаленным лабрадоритом пилоны подземного распределительного зала, покрытые тонкими прожилками белого и серого кварца, при тусклом свете напоминая застывшие разряды молний. Поезд прибыл на станцию «Технологический институт» — огромный пересадочный узел в центре города, где пересекались главные пути метрополитена, но сейчас, в этот предутренний час, станция казалась заброшенным подземным склепом, не имевшим признаков жизни и движения.

Двери вагона разъехались с шипением, и Марина сделала шаг вперёд, переступая через узкий порожек на холодный гранитный перрон. Пространство станции встретило гулким, эхоподобным безмолвием — высокие своды отражали шаги, возвращая их многократно усиленным, искажённым эхом. Архитектура зала давила своим монументальным объёмом: тяжёлые, слегка покатые своды, поддерживаемые рядами массивных колонн, уходили в темноту, создавая строгую, пугающую геометрию, без уюта и человеческого тепла. Девушка пошла вдоль путевой стены, механически считая шаги на кафельных плитах, чтобы удержать остатки ускользающего внимания. Подсчет прекратился с осознанием бессмысленности чисел. Очередной шаг отдавался в позвоночнике давящей болью, но движение продолжалось — ведь остановка грозила окончательным погружением в хаос.

И именно здесь, посреди этого мёртвого подземного зала, были впервые зафиксированы изменения окружающей среды, окончательно разрушившие её внутреннюю защиту. На противоположной стороне кросс-платформенного узла, у края путей, предназначенных для поездов Московско-Петроградской синей линии, неподвижно застыли две человеческие фигуры. Они стали первыми пассажирами на ночном пути Марины. Однако от этого соседства стало не легче — холодный ужас лишь сковал её с новой силой. Силуэты мужчины в потёртом, мышинового цвета пальто и женщины в грубом тёмном платке стояли спиной, а их покорные, недвижимые позы напоминали очертания тех безликих манекенов из витрин закрытых торговых точек в Мурино. Они не шевелились, не шуршали одеждой и не поворачивали голов на глухой стук её шагов, будто являлись частью монолитной структуры самой платформы — такими же неотъ-

емлемыми элементами, как пилоны, светильники или ограничительная линия, нарисованная белой краской у края путей.

Марина замедлила ход, чувствуя, как внутри грудной клетки снова начинает нарастать наседающий спазм, сжимающий горло и мешающий дышать. Фигуры стояли на самом краю перрона, у белой ограничительной линии, за которой открывалась чёрная бездна путей. Застывшие силуэты смотрелись неестественно, почти механически неподвижными. Преодолевая сопротивление затекшего тела, превратившегося в тяжелый мешок с костями, она сделала три неровных шага вперёд. Требовалось нарушить это вязкое безмолвие, спросить у живых людей, почему состав шёл без машиниста, почему станции пусты, почему она вообще оказалась здесь, в этом подземном лабиринте, не имевшем выхода. Взгляд пробивался сквозь блеклый фосфорический полумрак зала, пытаясь уловить в силуэтах хоть намёк на жизнь, но лица незнакомцев полностью скрывали тени от глубоких капюшонов и поднятых воротников.

Из-за долгого вынужденного бодрствования грань восприятия истончилась, породив странное, гнетущее чувство дежавю. В симметрии этих незнакомцев виделось что-то безжизненное, напоминающее строгую раскладку карточек в архивных ящиках обособленного фонда хранения — каждая на своём месте, каждая под своим инвентарным номером. Очертания их тел, наклон голов, то, как именно они занимали пространство перрона — всё это было точной иллюстрацией к старым ведомственным методичкам по технике безопасности, оставшимся в памяти со времен учебы в транспортном институте. Мужчина в потёртом пальто, стоявший чуть левее, держался с той неестественной, застывшей прямокой, какая бывает у случайных прохожих на пожелтевших групповых фотографиях из личных дел столетней давности — их лица стёрты временем, а позы застыли навсегда. Рядом с ним застыла женщина в грубом суконном платке, чья тяжёлая, недвижимая посадка плеч воспроизводила жест безликой натурщицы с плакатов гражданской обороны, расклеенных в цокольных этажах Сортировки — таких же серых, казённых, бездушных.

Марина ощутила, как к горлу подкатывает холодный спазм, и её ладони в карманах стали влажными от липкого пота, несмотря на ледяной воздух. Происходящее не имело отношения к её реальному прошлому — скорее, это была изнурительная иллюзия восприятия, заставившая измождённый рассудок проецировать сухой линейный порядок её архивной работы на случайных ночных пассажиров. Но искажённое расщеплением сознание мгновенно превратило этих прохожих в часть безмолвного, застывшего интерьера самой станции, лишив их индивидуальности и сделав частью её собственного кошмара. Возникновение молчаливых фигур на безлюдной платформе выглядело закономерным. В их тотальном безразличии к происходящему читался скрытый порядок, преждевременный выход за пределы уединенной комнаты стал досадным нарушением. Каждая деталь их поношенной одежды — потёртость на локтях мужского пальто, выбившаяся нитка на платке женщины, тусклый блеск старой металлической пуговицы — стали элементами одного и того же бесконечного реестра, который система подземных переходов вытаскила наружу, лишая её последних путей к отступлению.

— Извините, — её голос, шершавый, осипший от долгого молчания, прозвучал чуждо под высокими мраморными сводами, мгновенно разбившись на сотни мелких, затухающих отзвуков, которые поползли по стенам и исчезли в темноте тоннеля. — Вы не знаете, почему поезда ходят без машинистов?

Силуэты не шевельнулись. Мужчина и женщина продолжали стоять спиной к ней. Их неподвижные взгляды были устремлены в пустоту чёрного тоннеля, будто они ждали чего-то, что было скрыто во тьме. Марина сделала ещё один шаг, почти приблизив руку к плечу стоявшего мужчины, но вовремя остановилась, чувствуя, как морозный воздух между ними становится плотным и вязким. В их позах не было естественного человеческого ожидания — ни лёгкого покачивания, ни переминания с ноги на ногу, ни обычного нетерпения уставших пассажиров. От этих фигур веяло тем же могильным холодом и известковой сыростью, какими пахло

из вентиляционных клапанов её пустой студии, и этот запах смешивался с едва уловимым ароматом старой бумаги. В голове рисовалось, будто под слоем тёмной шерстяной ткани их одежды скрывается не живая тёплая плоть, а увесистые, спрессованные блоки старой бумаги, покрытые вековой пылью, которые давно потеряли всякую связь с человеческим теплом. Внутренний шум в её голове усилился, начав вибрировать в такт её неровному дыханию, заполняя собой всё пространство зала и заглушая даже эхо её собственных шагов. Девушка попятилась, спешно убирая руки в карманы, и приросла к месту, не решаясь сделать ни шага. Тревога и боязнь прямого контакта нахлынули с прежней интенсивностью. Затаив дыхание, она вглядывалась в пустоту, крепко вцепившись в проездную так, словно карточка БСК могла защитить от неподвижного безмолвия.

Гудение в рельсах со стороны синей ветки нарастало с монотонной, неумолимой скоростью, проникая сквозь подошвы туфель и заставляя гранитный пол мелко дрожать. Из темноты подземного коридора вынырнули круглые жёлтые фары следующего состава, заливая платформу слепящим, неживым светом и заставляя жмуриться от неожиданности. Поезд затормозил без обычного режущего визга — он просто остановился, тяжело перевалившись на стыках путевых разветвлений, и его двери с мягким шипением разъехались, открывая тускло освещённый салон.

Подчиняясь какому-то скрытому и неуловимому для Марины сигналу, две застывшие фигуры на платформе пришли в движение одновременно. Синхронным, скольльзящим шагом, не издавая ни единого звука и не поворачивая голов, они двинулись вперёд и зашли внутрь открытого вагона, их тела исчезли в полумраке салона, оставив лишь лёгкое колебание воздуха. Девушка осталась стоять на перроне. Внезапный приступ паники скрутил внутренности, отрезав всякую возможность мыслить здраво. Внутри неё боролись два противоположных побуждения: личный страх перед нарушением изоляции требовал немедленно развернуться и побежать обратно к выходу, вверх по эскалатору, на улицу, в холодную ночь Мурино, где хотя бы не было этих безмолвных теней. Но навязчивая мысль о необходимости исправить ошибку в системе, закрыть проклятый реестр Сортировки, вернуть миру прежнюю безопасность — эта мысль тянула её вслед за этими безликими попутчиками, убеждая, что только так она сможет остановить распад реальности. Мысль о том, что можно остаться на этой необитаемой платформе, пугала: тогда жизнь окончательно превратилась бы в чистый бланк, подлежащий автоматическому списанию в архив, наряду с тысячами других безнадежных страниц.

Быстрый, судорожный шаг вперёд — и вот стальной порожек остался позади, а вслед за ушедшими фигурами началось погружение в салон синего поезда. Тяжёлые створки захлопнулись за спиной с приглушённым тянувшимся хлопком, который эхом разнёсся по пустому вагону.

Состав мгновенно сорвался с места, унося во тьму перегона с такой скоростью, что пришлось едва ли не вжаться в ближайшее сиденье. Девушка заняла место в самом углу правого ряда, у торцевой двери, стараясь держать максимальную дистанцию с зашедшими пассажирами. Фигуры расположились на противоположном диване, прямо напротив неё, и их присутствие легло на неё тяжестью невидимого груза. Осветительные трубки под потолком салона монотонно жужжали, распространяя вокруг блеклый сероватый свет, но лица попутчиков оставались полностью скрыты глубокими тенями от низко опущенных капюшонов и поднятых воротников. Они сидели как изваяния, уставившись в потухшие экраны отключенных телефонов. Пальцы не касались кнопок. Устройства утратили всякий смысл, став похожими на музейные экспонаты, выставленные в витрине.

Марина сильнее прижала к ушам амбушюры наушников, выкрутив громкость трека до самого предела, но электронный эмбиент внутри чашек теперь ощущался ей чужим, деформированным шумом, лишённым привычной успокаивающей структуры. Вместо музыки сквозь фильтры до её сознания начал прорываться новый, звенящий звук — непрерывный, пульсиру-

ющий гул магистральных вентиляционных кабелей, проложенных вдоль путевых стен тоннеля. Поезд летел под землёй, прошивая тело города насквозь. За окнами неслась сплошная чернота, где изредка мелькали искры от контактных рельсов, похожие на далёкие зарницы. Ощущение реальности таяло в монотонном ритме, унося за собой связь с телом, временем и остатками личности. Осознание неизбежности не оставляло сомнений: возврата нет, а сама суть оказалась заперта в не подлежащем отмене подземном расписании. Его нельзя было переписать или закрыть, как и тот преследовавший из подвалов «Петро-Транса» реестр. И теперь оставалось только ждать, куда её вынесет этот поезд, и что произойдёт, когда он наконец остановится.

Глава 7

Тёмный туннель за стеклом вагона содрогался от нарастающего, оглушительного грохота. Колёса состава были на стрелочных переводах. Этот пронзительный металлический лязг проникал сквозь защитный барьер наушников, превращаясь в голове Марины в сплошное звуковое давление. Уши закладывало, а в затылке пульсировала саднящая боль. Скорость поезда Московско-Петроградской линии росла с каждой секундой, полностью нарушая привычные интервалы движения — вагон летел так, будто его вырвали из расписания и бросили в бездну. Тело застыло, вжавшись спиной в пластиковую обшивку углового дивана, а пальцы судорожно вцепились в ткань тёмного пальто, словно это единственное, что могло удержать от растворения в этом бешеном беге.

Напротив по-прежнему располагались двое, зашедшие вместе с ней на «Технологическом институте». Осветительные трубки под потолком нутужно звенели, распространяя вокруг холодное рассеянное сияние, но в этой новой динамике бега их позы приобрели совсем иную, зловещую специфику. Глаза неотрывно следили за движениями тел — их дергаными, прерывистыми толчками, как у марионеток с обрезанными нитями. Состав швыряло из стороны в сторону на изношенных стыках, но тела попутчиков не компенсировали эти толчки; они заваливались всем корпусом, синхронно и безжизненно, как тяжёлые тюки с грузом, и каждый раз возвращались в исходное положение с той же пугающей синхронностью. Мужчина в потёртом пальто и женщина в платке даже не моргали: их веки оставались полностью неподвижными, будто нарисованными на фарфоровых лицах, а пальцы, прижатые к обесточенным экранам, смотрелись намертво приклеенными к тёмному пластику. Тщетные попытки отстраниться и не смотреть ни к чему не привели, взор упрямо возвращался к застывшим статуям, с каждым мгновением усиливая ощущение леденящего ужаса, перехватывающего горло.

Поезд нёсся сквозь подземный мрак, прошивая гранитное основание города насквозь. Марина подняла взгляд на светящуюся схему ветки над дверным проёмом. Станционные огоньки, прежде сменявшие друг друга строго по порядку, теперь вели себя хаотично. Индикаторы лихорадочно мигали рубиновыми и купоросными искрами, разрушая привычный рисунок пути. Цифры и названия перемешивались, превращаясь в бессмысленный калейдоскоп, который лишь усиливал её дезориентацию. По расчётам, состав должен был сбросить ход перед выходом на перрон «Выборгской». Дыхание замерло в ожидании, когда же наконец сработают тормоза и привычный городской порядок вернется в норму. Знакомый дорожный толчок должен был вот-вот последовать за замедлением, однако движение продолжилось без всякой встряски.

Скорость не упала ни на километр. Поезд ворвался в распределительный зал «Выборгской» на полном ходу, с яростным рёвом рассекая воздушную подушку платформы. Бросок к оконному стеклу — и вот уже лицо вплотную к холодной глади, а вырвавшийся выдох мгновенно затуманивает поверхность. Перрон пронёсся мимо за долю секунды, превратившись в рваную смазанную полосу, однако взгляд выхватил, как весь гранитный зал станции погружён в глухую чернильную темноту, сквозь которую пробивался лишь одинокий сигнальный огонь

где-то в глубине путей. Дежурная в форменной жилетке стояла у самого края платформы спиной к летящему поезду; она не подняла руки, не повернула головы на оглушительный вой колёс, как если бы состав двигался в параллельном, полностью изолированном измерении мегаполиса, куда не проникали ни звуки, ни свет.

Марина отшатнулась от стекла и рухнула обратно на сиденье, чувствуя, как внутри грудной клетки нарастает тяжёлый сковывающий спазм — пальцы мгновенно онемели, потеряв чувствительность, а перед глазами поплыли тёмные круги. Поезд пропустил точку остановки. Система окончательно вычеркнула её из расписания, унося вглубь бесконечных подземных лабиринтов, где не было ни станций, ни выхода, ни даже намёка на привычный порядок вещей. Сделать глубокий вдох не получалось: воздух был разреженным, точно вагон мчался сквозь вакуум.

Девушка попыталась откинуться на спинку, но пластик сиденья казался ледяным, отторгающим прикосновение, и каждый миллиметр его поверхности отдавал холодом даже сквозь плотную ткань пальто. Чтобы отвлечься от давящего оцепенения попутчиков, она перевела взгляд на противоположную стену, где рядом с дверным проёмом располагалась коробка устройства экстренной связи. На её поверхности тускнела полустёртая инструкция, отпечатанная мелким шрифтом: «...в случае аварии нажать кнопку, чётко произнести номер вагона». Эти рубленые ведомственные буквы служили последней деталью рушившегося на глаза уклада, что прямой дорогой вело в бесформенный хаос. Дотянувшись до шершавого пластика, пальцы наткнулись на металлическую окантовку. Огрубевшая кожа не выдавала внятного сигнала, полностью отключив связь с мозгом, и этот тактильный провал лишь усиливал сюрреалистичность происходящего.

Из-под пола поднималась прерывистая тяжёлая вибрация тяговых двигателей, проходившая сквозь подошвы туфель, поднималась по суставам и отдавалась в позвоночнике глухой ноющей болью. Состав летел по подземной магистрали с нарастающим яростным гулом, и этот механический ритм полностью подчинил себе её собственный пульс, заставляя сердце биться в такт с колёсами. Длинные ломаные блики, выхваченные бледным отсветом на глянцевых панелях обшивки, напоминали рваные края архивных бланков; в каждом отблеске угадывался осколок чужой бумажной судьбы. Её плечи напряглись, а голова сильнее вжалась в них, чувствуя, как удушливое пространство железного короба тянет вглубь. Так исчезала возможность остаться собой, стиралась индивидуальность, превращая всё существо в ещё один инвентарный номер, вписанный в бесконечный реестр. Каждая надпись, каждый винт оконной рамы, цифра инвентарного номера вагона на торцевой стене — всё теперь воспринималось как элементы одного закрытого дела, обречённого на нескончаемый бег по замкнутому кругу.

Лоб уперся в толстое стекло, совершенно не обращая внимания на дрожь, бившую по скулам, заставляя очки звенеть. За порогом двойного остекления, там, где обычные пассажиры видят лишь тубинги и пучки силовых кабелей, разворачивалась грандиозная панорама бумажного хаоса. Ряды полок уходили вертикально вверх и вниз, теряясь в бездонных технологических пустотах тоннеля, будто библиотека, построенная на руинах города. Тысячи одинаковых корешков, обтянутых грубым коленкором, складывались в бесчисленные целлюлозные хребты, и их плотные ряды напоминали стеллажи в подвале «Петро-Транса», но здесь они не имели ни начала, ни конца. Марина лихорадочно пыталась уцепиться взглядом за выцветшие типографские литеры, проступавшие сквозь налёт многолетней копоти путевых стен, но буквы ускользали, сливаясь в нечитаемые пятна. На некоторых папках, летящих мимо со скоростью курьерского поезда, свисали потемневшие сургучные печати, похожие на капли запёкшейся крови, и при каждом проблеске света они отбрасывали длинные тени, метавшиеся по стенам каменного рукава. Чернильные шрамы регистрационных номеров двоились перед глазами, и уставший взгляд тщетно пытался разобрать хоть одну знакомую комбинацию. Город как бы разделся

донага, показав свои шрамы и шестерёнки. Он превратил стены подземного коридора в раскрытую книгу тотального одиночества, где каждая страница была исписана чужими судьбами.

Сквозь маслянистый налёт на стекле проглядывали отдельные детали этой бесконечной целлюлозной гряды. Между деревянными стойками стеллажей змеились серые сургучные шнуры, связывающие тома инвентарных описей в плотные неподвижные блоки. Их фактура — колючая, сухая, режущая пальцы — мгновенно вызывала в памяти тугую бечёвку, которой приходилось перевязывать папки в архиве. На выцветших ярлыках, мелькающих с экспресс-скоростью, безуспешно отыскивался буквенный код Сортировки — злополучный незакрытый реестр, нарушивший ход будней. Возникла мысль: если удастся различить хоть одну правильную цифру на этих корешках, система обнулится, состав сбросит ход и вернет сознание обратно к привычным гранитным платформам пересадочных узлов. Но пласти окаменевшей памяти оставались немymi; вспышки проводки выхватывали из тьмы лишь безбрежные списки списанных вагонов за девяносто четвёртый год, покрытые заплесневелым налётом сырости, и каждый новый список только подтверждал её беспомощность.

Внезапно одна из люминесцентных ламп под потолком лопнула с резким хрустальным звоном, и осколки стекла осыпались на пол вагона, разлетевшись мелкими блестящими камешками. Но двое попутчиков даже не вздрогнули — их абсолютное безразличие к происходящему вытягивало из девушки остатки сил, как если бы они были не людьми, а частью интерьера, неотъемлемыми элементами этого безумного сна. Не в силах больше выносить натужное гудение оставшихся осветительных приборов и зудящий шум внутри слуховых рецепторов, который теперь перекрывал даже грохот колёс, Марина сорвалась с места. Огрубевшими ладонями она обхватила холодный металл дверной ручки в торце салона, потянула на себя с резким надсадным скрежетом, преодолела сопротивление пружины и вывалилась в узкое грохочущее пространство межвагонного перехода.

Здесь, внутри резиновой гармошки защитного кожуха, акустическая среда изменилась кардинально. Вместо ровного гула салона её оглушил рваный хаотичный рёв сцепных механизмов — металлические суппорты и переходные стальные площадки ходили ходуном, скрежеща и перетирая друг друга с таким звуком, будто где-то поблизости обрушивался бетонный свод. Из уплотнителей вырывался ледяной влажный воздух, пахнувший сырым камнем, мокрым железом и ещё чем-то кислым, напоминающим остывшую смазку. Удерживать равновесие на качающемся настиле удавалось из последних сил. Плечо вжималось в колеблющуюся обшивку, заставляя чувствовать каждый толчок, гуляющий по позвоночнику.

Перед ней чернела матовая дверь соседнего вагона. Марина протянула руку, надеясь отыскать за этим стеклом живые лица, способные прервать её одиночество, но там угадывался лишь точно такой же пустой салон, залитый тем же приглушённым сизоватым светом, без единой тени, без движения. Состав уносил её всё дальше от центральных пересадочных узлов, и этот непрерывный яростный грохот под ногами ощущался единственным ритмом, способным удерживать её распадающееся сознание над бездной. Стоило толкнуть следующую дверь и перешагнуть металлический порожек, как тяжёлая створка за спиной захлопнулась с глухим стуком, мгновенно отсекая акустический хаос перехода.

Она очутилась в следующем вагоне. Интерьер здесь был зеркальным отражением предыдущего: бесконечные ряды синих пластиковых диванов, уходящие вперёд ровной стрелой, и сизоватое сияние одиноких потолочных ламп, создающий иллюзию бесконечности. Но внутри не было ни одного человека — ни пассажира, ни дежурного, ни даже забытых вещей. Состав мчался сквозь толщу земли с неумолимой скоростью, заставляя стены вибрировать, а этот ритм сливался с собственным телом. Ритмичный стук и мелкая дрожь обшивки стали ощущаться как естественная часть организма, сопровождающая бешеный бег поезда.

Девушка пошла по центральному проходу, удерживая равновесие за счёт поручней, и каждый шаг давался ей с трудом — ноги казались ватными, а колени подгибались от усталости.

Её поступь, лишённая звука из-за резиновой подошвы обуви, выглядела как перемещение бес- телесного фантома внутри автоматического вечно тянувшегося конвейера. Глаза, полные тре- воги, искали хоть малейшие следы человеческого присутствия — забытую газету, оброненный кошелёк или обёртку от конфеты. Однако салон, пустой и пугающе-стерильный, напоминал скорее больничный бокс или опечатанное ведомственное хранилище перед визитом инспек- ции. Город-миллионник вымел из этих вагонов любые следы повседневности, словно готовил их к чему-то, чему Марина не могла найти названия.

Взгляд вновь устремился за окно. За толстым стеклом пейзаж снова изменился: гигант- ские деревянные стеллажи с картонными папками начали исчезать, уступая место совершенно иным, устрашающим геометрическим грядам. Вдоль путевых стен, насколько хватало глаз, высились бесконечные стопки старых транспортных билетов и использованных карточек БСК — миллионы разноцветных прямоугольников из тонкого картона и пластика были сложены в идеально ровные метровые колонны, напоминающие чешую гигантского подземного ящера, застывшего в вечном движении. По проводке перегона продолжали бежать редкие электриче- ские искры, и в этих мгновенных купоросных вспышках Марина видела блеклые цифры стёр- тых дат и времени поездок, нанесённые когда-то на эти куски пластика. Этот целлюлозный массив шуршал за стеклом с такой силой, словно осенний ветер гнал тонны сухой листвы по гранитной набережной Обводного канала, и звук проникал сквозь двойное остекление, пре- вращаясь внутри её слуховых рецепторов в мерный пульсирующий ритм, который полностью подчинил себе её дыхание. Город воплотил за стеклом материальные следы миллионов чужих давно завершённых маршрутов, превращая подземный коридор в гигантскую свалку челове- ческой логистики, где её собственное присутствие было лишь одной из миллиардов незаметных строк, обречённых на забвение.

Нарастающий спазм в грудной клетке мешал сделать полноценный вдох; пальцы больше не подчинялись — они стигались с сухим треском, как старая калька, и каждое движение паль- цев отдавалось тупой болью. Девушка понимала: задержись она здесь, посреди пустого вагона, хотя бы на миг — монотонный гул ламп и шевелящаяся за стеклом тьма немедленно завладеют вниманием. Нужно двигаться вперёд, пробиваться сквозь бескрайний состав к кабине маши- ниста, чтобы заставить систему сбросить скорость и вернуть её на твёрдую землю, пусть даже это будет лишь иллюзией.

Шаг ускорился, почти переходя в бег, а дыхание стало прерывистым и свистящим. Вто- рая секция сидений осталась позади, затем третья, четвертая, при этом плечо едва не задевало хромированные вертикальные стойки. Каждый новый ряд диванов оборачивался очередным рубежом, который нужно преодолеть. Пространство вагона растягивалось, превращаясь в бес- конечную череду, где противоположная торцевая дверь уходила вдаль с каждым шагом, и эта оптическая иллюзия заставляла сомневаться в собственных движениях. Нажатие на металли- ческую клавишу замка сработало мгновенно: дверь с лязгом отошла в сторону, открывая путь к междвагонному переходу.

Резиновая гармошка защитного кожуха встретила Марину тем же акустическим хао- сом и ледяным влажным сквозняком, отдающим запахом ржавого железа и мокрого гранита, мгновенно пробиравшем до костей. Под ногами тяжело скрежетали стальные переходные пло- щадки, перетирая друг друга на крутых поворотах тоннеля, и этот звук казался ей предсмерт- ным хрипом самого поезда. Она ухватилась обеими руками за колеблющуюся обшивку, пыта- ясь удержать равновесие в условиях нарастающей качки. Прямо перед ней чернела следующая матовая дверь, за стеклом которой тускло мерцал точно такой же салон, такой же пустой и безжизненный. Собрав последние крохи воли, тело замерло перед преградой и навалилось на железную ручку. Очередной шаг вел в неизвестность, где вагон приготовил свой главный, абсо- лютно непреодолимый сюрприз.

Глава 8

Дверь за спиной Марины закрылась с глухим металлическим стуком, и девушка сделала несколько шагов по центральному проходу, намереваясь продолжить путь к головной части состава. Из-под ног выскользнула шаткая опора, расшатывая равновесие. Тело резко подалось вперед — руки впились в железный каркас сиденья, а глаза устремились вдаль, надеясь увидеть пустую галерею следующего вагона.

Впереди тянулись ряды привычных синих пластиковых диванов, но на противоположной стороне, у самого прохода, недвижимо застыли две фигуры — мужчина в потёртом пальто и женщина в грубом суконном платке. Они сидели в тех же позах, склонив головы над погасшими тёмными дисплеями своих устройств, и их присутствие, как и прежде, не нарушалось ни малейшим движением. Леденящая волна непонимания подступила к горлу, сковав тело. В голову сразу пришло самое простое объяснение: долгие часы без сна привели к потере ориентации, из-за чего в грохочущем тамбуре беглянка случайно вернулась назад в исходную точку. Рассудок цеплялся за привычные пространственные законы, отказываясь признавать иную логику, но где-то в глубине сознания уже зарождался тревожный холодок — слишком много совпадений, слишком точная симметрия.

Девушка резко развернулась, проигнорировав недвижные силуэты, и снова рванула замок торцевой двери. Качающийся проём межвагонного перехода сам собой поглотил её фигуру. Ледяной воздух, пахнувший сырым камнем и остывшим металлом, обжёг лицо, а под ногами дробно, яростно заскрежетали стальные листы настила, словно их перетирали в гигантской мясорубке. Затаив дыхание, Марина миновала резиновую гармошку кожуха, ворвалась в следующий вагон и пустилась бегом по центральному проходу. Этот салон был абсолютно пуст — её шаги тонули в общем гуле колёс, и ни одна тень не шевельнулась в тусклом молочном свете. Потребовались считанные секунды для преодоления промежуточного короба. Оказавшись во втором тамбуре, она резко толкнула переднюю дверь, устремляясь напрямик к кабине машиниста.

Тяжёлая створка отошла в сторону, Марина переступила порог... и снова оказалась лицом к лицу с теми же самыми затылками. Мужчина и женщина сидели недвижимо, их шеи оставались неестественно выгнутыми, а тела синхронно качались в такт движения поезда, словно тяжелые мешки с песком, подвешенные на невидимых тросах. Во второй раз её снова накрыла слепая, нервная паника — желудок сжало, а мысли спутались. Думалось, что это зловещее совпадение — лишь оптический обман, галлюцинация воспаленных глаз, уставших от мелькания кабелей в окнах тоннеля. Но внутренний голос, тот самый, что шептал ей о реестре и сортировочных кодах, теперь настаивал на ином: здесь нет случайностей, есть только безжалостная геометрия, замкнувшаяся в кольцо.

Не останавливаясь, не давая себе времени на осмысление, Марина закричала — но её голос потонул в реве рельсов, растворился в металлическом грохоте, не оставив даже эха. Сорвавшись с места, она устремилась на второй круг. Взгляд скользил по неподвижным попутчикам. Пальцы в шерсти перчаток съезжали по металлу, ноги спотыкались о выступы пола, но движение вперед — сквозь вереницу вагонов было не остановить. Тамбур, пустой салон, грохот железа под ногами, очередной резиновый рукав перехода — всё это слилось в единую пульсирующую полосу, лишённую начала и конца. В шаге от торцевой двери обнаружилась едва заметная царапина на обшивке над проёмом. Совершенно такой же след был оставлен ногтем в прошлом вагоне во время проверки реальности происходящего. Эта почти неразличимая мелочь заставила сердце ухнуть в пятки: этот путь уже случался в прошлом, и каждый последующий виток лишь подчеркивал пугающую неизбежность возвращения.

На сей раз путь преградила середина колеблющейся переходной площадки, зажав в тисках между тяжёлыми дверными проёмами. Акустический хаос под ногами достиг такой плотности, что металлическая пыль вибрировала в самом воздухе, оседая на губах и веках. Не замечая мазутных брызг из-под колёс и сырой известковой хмари, мгновенно пропитавшей ткань брюк, девушка рухнула коленями на качающийся стальной настил. Сжать кулаки не удавалось, они сохраняли неестественную прямизну, подобно стальным шарнирам на месте суставов. Вслед за этим руки принялись беспорядочно шарить по рельефным складкам защитного резинового кожуха. Швы плотной синтетики были нещадно разодраны. Взор вглядывался в границы оптического сдвига, стремясь обнаружить физический дефект либо пространственный зазор, где система подземных перегонов выворачивала геометрию состава наизнанку. Каждое прикосновение к шершавой резине отдавалось в кончиках пальцев глухим, почти болезненным импульсом — словно сама материя сопротивлялась попыткам найти точку опоры.

Стальные листы перекрытий под ладонями неистово скрежетали на виражах тоннеля, порождая оглушительный лязг, от которого крупные суставы рук пронзала щемящая боль. Тело прошибла пульсирующая волна, отчего зубы застучали в бешеном ритме. Но резина гармошки оставалась цельной, монолитной и непроницаемой, словно её отлили на оборонном заводе по единым, навечно утверждённым чертежам, не оставляя ни малейшего просвета для человеческого вмешательства. Вся механика сцепного узла функционировала с безжалостной конвейерной точностью, полностью отторгая любые попытки её нарушить. Марина подняла голову и уставилась в мутное стекло торцевого проёма. Сквозь засиженный копотью триплекс в глубине следующего вагона по-прежнему угадывался блеклый мертвенный отсвет ламп, но этот свет больше не обещал избавления; он фиксировал границы её личной, замкнутой камеры, где каждый сантиметр пространства был заранее выверен и подчинён единому бездушному алгоритму. Руки внезапно нащупали вместо мягкой обшивки холодные элементы огромного архивного прессы. Стальной монстр безжалостно сминал остатки ментальной независимости, делая каждый последующий шаг очередным погружением в бездну бессилия.

Преодолевая сопротивление пружины, тело рванулось вперед, вновь возвращаясь в прежнюю точку пространства. Сомнения лопнули, уступив место леденящему оцепенению. Математическая, безжалостная точность петли подтвердилась окончательно: любое ускорение ради прорыва к пульту управления неизбежно возвращало в исходную точку геометрии состава. Передней двери больше не существовало — она стала входом в её собственный хвост, и каждый новый цикл лишь укорачивал расстояние между ней и отчаянием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.